

ЮРИЙ СОТНИК

Один
Страшный день

ДЕТГИЗ 1962

Ученые Ра
Пашурковой О.И.
Королеву О.И.

за

Новгородская
школа ~ 12

1962-63 уч. г.

Ю Р И Й С О Т Н И К

Один Страшный день

Киноповесть

Государственное Издательство Детской Литературы
Министерства Просвещения РСФСР
Москва 1962

У этой киноповести есть второе название — «Трудные дети».

«Взрослые на то и взрослые, чтобы нас воспитывать да что-нибудь запрещать; а ты слушай да молчи, да делай все по-своему», — так поучает герой повести Сева Козлов своего друга Ваню Панкратова.

Нечего и говорить, что мальчишки с такими взглядами доставили много неприятностей своим бабушкам, учительнице, словом, всем тем, кто занимался их воспитанием.

И вдруг эти ребята, эти известные всей школе озорники сами оказались в роли нянек и воспитателей.

Как же это случилось? Что из этого вышло? Прочтите повесть и узнаете.

По залитому солнцем переулку бежит девочка лет двенадцати. На ней синие тренировочные брюки, белая блузка, красный галстук, за спиной рюкзак. У нее стриженные русые волосы и огромные серые озабоченные глаза. Она бежит быстро и ровно, ее тапочки негромко, но четко шлепают по тротуару, и в тишине переулка слышится звук, похожий на тикание маленьких часов.

В середине переулка тянется ограда, за оградой растут деревья, а за ними возвышается здание школы. Свернув в калитку, девочка пробегает в тени под деревьями, затем снова оказывается на солнцепеке.

Здесь у школьного крыльца свалены в кучу ящики, чемода-

ны, рюкзаки... Возле них толпятся человек тридцать шести-классников. Ни на ком уже нет школьной формы, в глазах рябит от красных галстуков, разноцветных маек и ковбоек, ситцевых платьев, черных, синих и коричневых сатиновых брюк. Все ребята возбужденно гомонят о чем-то, а увидев подбежавшую девочку, так и бросаются к ней:

— Вот она! Наконец-то!

— Лидка, куда ты делась? Тут такое произошло!..

Лидка останавливается, встревоженно вертит головой:

— В чем дело? Что случилось?

К ней протискивается толстый мальчишка с самодельным приемником, висящим на плече. Над приемником торчит высокий штырь антенны, из репродуктора льется песня в исполнении хора Пятницкого. Мальчишка выключает приемник и отчеканивает в наступившей тишине:

— Ваньку Панкрата и Севу Козлова директор не пускает в поход.

— За вчерашнее, — поясняет одна из девочек.

— Где они?

— В пионерской комнате. И Дарья Капитоновна там.

Больше Лидка не произносит ни слова. Она снимает рюкзак, кладет его в общую кучу и убегает в школу.

В раздевалке пол устлан газетами, горят яркие лампы без абажуров, стоят лестницы-стремянки, с которых маляры опрыскивают побелкой потолок. Из классов на первом этаже доносится стук молотков и визг пилы: там старшие ребята ремонтируют парты.

Коридор второго этажа пуст, только у дальней двери стоят двое мальчишек. Стоят, подняв плечи, опустив голову... Стоят и каждый грызет ноготь на большом пальце.

Быстрыми, мягкими шагами Лидка подходит к ним. Мальчишки поднимают головы. Перед ней — Ваня Панкратов и Сева Козлов.

Сева небольшого роста, шуплый. На тонком носу его криво сидят очки. Многострадальные это очки: по одному стеклу тянется трещина, на другом — большая выщербина; металлические дужки поломаны и скреплены где нитками, где проволокой.

У Ивана розовая физиономия почти без бровей, глазки маленькие, круглые. Ростом он чуть не на голову выше Севы, а

плечи и грудь у него такие, что каждый мускул заметен под старой майкой.

— Доигрались! — шепчет Лида и злыми серыми глазами смотрит на ребят.

Козлов угрюмо молчит. Лицо у него каменное. Панкратов не скрывает своих чувств. Он часто моргает; сложив пальцы в шепоть, он постукивает ими себе по груди.

— Лид!.. — жалобно шепчет он. — На тебя только и надежда... А, Лид!..

Лида отворачивается от мальчишек и стучит в дверь.

— Кто там? — слышится низкий женский голос.

— Дарья Капитоновна, можно войти?

— Входи!

Лида входит и прикрывает за собой дверь.

Все стены пионерской комнаты увешаны стенгазетами. Над ними тянется надпись: «Выставка стенной печати пионерской дружины имени Гайдара».

Трое взрослых находятся в комнате. В дальнем углу стоит вожатый с красным галстуком на серой ковбойке; по обе стороны длинного стола с журналами и брошюрами расхаживают две женщины: одна — молоденькая, миловидная, одетая в такие же сатиновые брюки, что и Лида, другая — высокая, грузная, с пышными седыми волосами.

— Здравствуйте! — говорит Лида.

— Здравствуй, товарищ председатель совета отряда! — басыт пожилая женщина и останавливается перед Лидой, скрестив руки на полной груди. — Тебе известно, что натворили вчера Козлов с Панкратовым?

— Известно, Дарья Капитоновна, попали в милицию.

— За что? — еще более грозно спрашивает Дарья Капитоновна.

— Жарили ночью на костре курицу в городском парке.

— И как ты к этому относишься?

— Отрицательно, конечно. Но они ведь не из хулиганства...

Они просто тренировались готовить пищу в походных условиях. Они полинезийским способом ее жарили.

— Что?

— Курицу. Полинезийским способом... Надо обмазать ее глиной и жарить прямо с перьями. Это Севка где-то вычитал.

Молодая учительница и вожатый переглядываются, сдерживая улыбку. Но Дарье Капитоновне не до смеха.

— Ах, «тренировались»! Ах, «полинезийским способом»! — гремит она во весь голос. — А то, что они угодили в милицию и опозорили школу, это тебя не трогает? А то, что родители из-за них полночи не спали, это для тебя пустяки! А курица! Стащить из дома купленную к обеду курицу и спалить ее на костре — этот поступок как ты назовешь?

Лида смотрит на носки своих тапочек.

— Конечно, Дарья Капитоновна... Козлов с Панкратовым... С ними очень, конечно, трудно...

Дарья Капитоновна поворачивается к молодой женщине:

— Вы у нас человек новый, Галина Васильевна, вы в конце года пришли. Вы, может быть, от них еще не натерпелись...

Учительница чуть улыбается:

— Да нет, уже натерпелась.

— Так вот, вы не думайте, что все это происходит стихийно. Подо все эти безобразия подведена твердая теоретическая база. А ну, Лидия, процитируй, что проповедует Козлов!

В коридоре Козлов с Панкратовым прижались ушами к двери. Лица у них в испарине.

А в пионерской комнате Лида очень нехотя «цитирует»:

— Н-ну... «Взрослые, мол, на то и взрослые, чтобы нас воспитывать да что-нибудь запрещать...»

— Дальше! — требует Дарья Капитоновна.

— Н-ну... «А ты, мол, слушай, да молчи, да делай все по-своему».

По коридору на цыпочках приближается к пионерской комнате маленькая белобрысая девочка, за ней так же бесшумно следует толстый радист, за радистом видны еще несколько ребят.

— Сева, ну как? — шепчет девочка.

Козлов свирепо оглядывается через плечо и грозит ей тощим кулаком. Девочка застывает, прикусив язык. Застывают и остальные ребята.

— А вот вам теория Козлова в действии, — говорит Дарья Капитоновна и, взяв под руку учительницу, ведет ее вдоль развешанных на стене газет. — Вот, полюбуйте на это... Теперь на это... Сюда взгляните! Теперь сюда!

Галина Васильевна смотрит на стенгазеты и чуть ли не в каждой из них видит красноречивые заголовки и карикатуры.

«Уймите Козлова с Панкратовым!» — гласит один заголовок.

«Побоище в шестом «Б» — так называется карикатура, на которой изображены Панкратов и Козлов, дерущиеся с третьим мальчишкой.

«Дурацкий поступок». На этом рисунке мы видим Ваню и Севу спускающимися по водосточной трубе.

«Трофеи за одну неделю» — гласит четвертый заголовок. Под ним изображен Панкратов, прижимающий к груди три двойки.

Теперь в коридоре такая картина: к двери прижались ушами Иван и Сева, а их окружили полукольцом человек двадцать молчаливых ребят.

— И вот с такими молодцами вы хотели провести целый месяц, — продолжает Дарья Капитоновна. — Вы понимаете, какая ответственность на вас лежит?

Учительница взглядывает на вожатого, молча спрашивая его совета. Вожатый очень юн. Небольшого роста, коренастый, он стоит наклонив голову с подстриженными ежиком волосами и в раздумье пощипывает подбородок.

— Рискованно, Галина Васильевна, — тихо произносит он.

Дарья Капитоновна поворачивается к Лиде:

— Так вот! Иди и объяви отряду: Козлов с Панкратовым в поход не пойдут.

Ваня и Сева отстраняются от двери. Козлов прикусывает губу, а Панкратов моргает все чаще, совсем готовый заплакать.

Лида делает шаг к двери, потом останавливается. Она говорит очень безразличным тоном, глядя не на директора, а куда-то в сторону:

— Хорошо, Дарья Капитоновна. Только... наш отряд взял обязательство перевоспитать в походе Козлова с Панкратовым, а теперь... Я не знаю, как мы будем их перевоспитывать.

— Хитра! — произносит директор и долго смотрит на Лиду.

Иван и Сева снова приникли к двери, снова на лицах у них надежда. Все ребята вытянули шею, прислушиваясь.

— Разве я не правду говорю, Дарья Капитоновна? — доносится голос Лиды. — В походе на них коллектив бы влиял, а так они будут по улицам гонять.

Ребята одобрительно шушукаются. Козлов потирает руки. Физиономия Панкратова расплывается в улыбке.

— Ба-альшой демагог из тебя получится, — замечает Дарья Капитоновна, все еще глядя на Лиду.

— Вообще, конечно... — равнодушно продолжает Лида, — оставить их в городе куда проще: натворят что-нибудь, а мы — в стороне.

— Ты кем будешь? Дипломатом? Юристом?

— Педагогом, — скромно отвечает Лида.

Директор взглядывает на вожатого, на Галину Васильевну. Та еле сдерживается, чтобы не рассмеяться.

— Ну! Что вы скажете на все это?

— Доводы веские, — бормочет вожатый.

Директор смотрит на учительницу, и та сразу становится серьезной.

— Отношения с Козловым и Панкратовым у меня действительно натянутые, — медленно говорит она, — но я вот о чем думаю, Дарья Капитоновна. В школе я общаюсь с ними только в учебные часы, а в походе мы целый месяц проведем вместе. Может быть, в таких условиях нам удастся как-нибудь поладить.

— Хорошо! На вашу ответственность. Но при одном условии: весь класс должен поручиться за них.

— Ой! Конечно, поручится! — вскрикивает Лида.

— Нет, ты пойди спроси!

Лида распахивает дверь и видит толпу ребят, отпрянувших от нее. Выйдя в коридор, она прикрывает дверь.

— Ручаетесь за них? — спрашивает она негромко.

— Ручаемся! Ручаемся! — отвечает несколько человек.

— Стоп! — повышает голос радиолобитель. — Сначала пусть они сами дадут слово, что не станут бузить.

Все обращают взоры на Козлова с Панкратовым.

— Да я... Да честное-расперечестное... Да пусть я схожну, если что-нибудь такое! — волнуется Иван.

Козлов пожимает плечами:

— Конечно, даю слово. Что я, дурак?

Лида снова уходит в пионерскую комнату. Давя друг друга, ребята заглядывают в открытую дверь.

— Дарья Капитоновна, они все ручаются.

— Хорошо! Начинайте погрузку. Автобус уже подошел.

— На погрузку-у! — радостно кричат ребята и с топотом мчатся по коридору.

Большой автобус катит по одной улице, по другой... Из автобуса несется гомон, нестройное пение.

Вот автобус уже на окраине города. Тут, с левой стороны дороги прячутся за кустами сирени маленькие домики, а справа тянется узкий залив большого водохранилища.

Машина останавливается у ворот с вывеской: «Лодочная станция клуба туристов».

Путешественники выскакивают из автобуса, выволакивают на землю кучу багажа. Из ворот выходит заведующий станции — высокий, усатый старик в тельняшке, а с ним — молодой парень, его помощник.

— Полутного ветра! — громко говорит старик.

— Спасибо! Здравствуйте! — кричат ребята.

— Далеко пойдете?

— По всему водохранилищу, — отвечает Лида.

Старик пожимает руку учительнице, вожатому.

— Ваши корабли у крайнего мостика. В сторонке посвободней.

Счастливый Панкратов взваливает на плечо самый тяжелый мешок — с оболочкой и шпангоутами байдарки. Сева хватает мешок с деревянными ее частями. Тщедушный Сева не может его поднять. Пыхтя, оскалив зубы от напряжения, он тащит его волоком по земле.

Они первыми приходят на место, указанное стариком. Следом за ними появляется Лида, таща за собой мачту. Опустив свой груз на песок, все трое молча оглядываются.

Метрах в двадцати от них — мостки, к которым причалены три большие лодки. Дальше — сверкающая на солнце рябь залива, а если посмотреть левее, видно огромное водохранилище со множеством островов и островочков, целая необследованная страна для путешественников, которым от роду двенадцать лет.

— Хорошо? — спрашивает Лида.

Козлов молча кивает. Лицо у него серьезное, торжественное.

— Ну, Лидка! — взволнованно говорит он. — Что хочешь теперь проси, все для тебя сделаем!

— Ага, Лид... Ты не думай, это мы не шутя, — поддерживает товарища Иван. — Ты только скажи, чего тебе хочется, а?

— Букет цветов, — отчеканивает вдруг Лида и зыркает большими глазами то на Севу, то на Ваню.

Мальчишки оторопели.

— Чего? — переспрашивает Панкратов.

— Букет цветов. А что тут удивительного? Мне еще никто не преподносил цветов.

Секунду ребята молчат, только глазами хлопают. Первым приходит в себя Козлов.

— Хорошо! Будут цветы! — твердым голосом обещает он.

Подходят другие ребята, нагруженные багажом. Все они вместе с вожатым направляются к лодкам. А перед Ваней и Севой останавливается учительница.

— Это вы принесли байдарку? — спрашивает она, глядя на мешки.

— Мы, — кивает Ваня.

— А кто вам позволил так надрывать! — строго говорит Галина Васильевна и вдруг совсем меняет тон. — Поможете мне ее собрать?

— Есть помочь собрать! — весело отвечают мальчишки и бросаются развязывать мешки.

Кипит работа. Путешественники ходят по мосткам, таская багаж. Его принимают забравшиеся в лодки ребята.

Дневальные насыпают в ведро картофеля, забирают консервные банки и направляются к сторожке, из трубы которой уже валит дым.

Несколько мальчишек оснащают мачты реями и парусами, продергивают фалы через блоки. Вот двое мальчишек ставят мачту торцом на землю, а третий натягивает шкот. Парус надувается, мачта вырывается из рук мальчишек и падает.

— Осторожно, вы! Часы раздавите! — слышится писк.

Маленькая девочка с черными косичками оттаскивает подальше от мачты солнечные часы и снова устанавливает их на песке. Тень от палочки в центре фанерного циферблата лежит между цифрами «11» и «12».

А учительница с Ваней и Севой, ерзя на коленях по песку, собирают каркас байдарки из дюралевых трубок и шпангоутов. Галина Васильевна исподтишка наблюдает за увлеченными работой мальчишками.

— Галина Васильевна, а кто на ней поедет? Взрослые?

— Кто-нибудь из взрослых и двое ребят. В первую очередь, конечно, вы поедете.

Друзья обрадованно переглядываются. Ваня тихонько стучит Севу кулаком в бок. Учительница замечает это и улыбается.

Солнечные часы показывают половину второго.

Лодки нагружены, две из них уже оснащены мачтами. Вожатый ставит мачту на третьей.

— Все! — говорит он. — Теперь пообедаем и — в путь!

Байдарка тоже уже собрана. Сева навешивает руль, Ваня соединяет половинки дюралевого весла. Учительница поднимается, стряхивает песок с колен.

— Эй, начальство! — зовет старик в тельняшке.

Он стоит возле своего домика, а перед ним — никому не знакомый молодой человек. Их окружили любопытные дневальные.

Учительница идет к сторожке, а Козлов с Панкратовым смотрят ей вслед.

— Она ничего все-таки человек, — замечает Сева.

— Ага. Пока не воспитывает, — соглашается Иван.

— Лидка, сюда! — кричит вдруг одна из дневальных. — Тебя на радио записывать хотят!

Нечего и говорить, какое впечатление производит это на путешественников. Всей гурьбой они двигаются к сторожке. Идут туда и Козлов с Панкратовым. Вдруг Сева оглядывается на байдарку и хватает Ваню за рукав.

— Стой! — говорит он приглушенно. — У меня идея!

Растерянная Лида застыла перед очень молоденьким радиокорреспондентом. Тот устанавливает на табуретке переносный магнитофон. Путешественники окружили их плотным кольцом.

— Ребята, пошире круг и прошу полную тишину, — обращается к ним молодой человек. — Так вот, Лида... Ты давай не волнуйся, говори спокойненько, непринужденно... Ясно?

Лида молча кивает, тоскливо оглядывает ребят.

— Лида, ты не волнуйся, главное не волнуйся! — шепчет ей кто-то из девочек.

Молодой человек включает аппарат и говорит в микрофон:

— Мы пригласили к микрофону председателя совета отряда Лиду Морину. Ну, здравствуй, Лида! — Микрофон быстро переносится ко рту Лиды.

— Здравствуйте! — еле слышно произносит та.

Корреспондент выключает магнитофон.

— Снова давай. Погромче надо.

А возле байдарки Сева тихо говорит Ивану:

— Там их полно! Я сам видел, когда на автобусе ехали. Панкратов мнетя.

— Опять попадет, — тоскливо бормочет он.

— «Попадет, попадет»! — передразнивает Сева. — Я тебе говорю, тут близко совсем!

— Здравствуйте! — снова говорит Лида.

И снова корреспондент выключает аппарат:

— Слишком громко. Перегружаешь микрофон. Ты нормальным голосом говори.

— Ну и ну! — вздыхает кто-то в толпе.

Козлов с Панкратовым воровато оглядываются и, подхватив байдарку за нос и корму, несут ее к мосткам. Там они спускают лодку на воду, садятся в нее и торопливо гребут. Гребут неумело, не в такт, то и дело стучаясь веслами.

Скоро, однако, они огибают зеленый мысок справа от станции и скрываются за ним.

Лидины мучения продолжают. Корреспондент подносит микрофон то к собственному рту, то к Лидиным губам.

— Теперь, Лида, расскажи, пожалуйста, о цели вашего похода.

— Цель похода — обследовать прибрежную флору водохранилища и... и...

— Условия, — шепчет Лиде на ухо толстый радист.

— ...и выяснить условия для проживания...

— Для распространения, — шепчет радист.

— ...для распространения ондатры.

— Так! Теперь... э... э... расскажи, Лида, радиослушателям, что такое ондатра.

— Ондатра — это водяная крыса. У нее очень ценный мех. Если мы установим, что для нее достаточно корма, то ее в этих местах будут разводить.

Сева с Ваней плывут под заросшим раkitами берегом, потом сворачивают в маленькую, тихую бухточку. Здесь, на темной воде плавают зеленые листья, а среди них застыли пышные белые кувшинки. Сева оглядывается на приятеля.

— Ну! Что я тебе говорил?

А на станции молодой человек говорит в микрофон:

— Спасибо, Лида! Позволь мне от имени всех радиослушателей пожелать счастливого пути тебе и всем ребятам.

— Всё? — тихонько спрашивает Лида.

— Сейчас послушаем, что получилось. — Молодой человек перематывает пленку, надевает наушники, слушает немного и снова снимает. — Шума много. И слышно, как тебе подсказывают. Сначала давай!

Байдарка медленно крейсирует по бухточке. Накреня лодку то на один борт, то на другой, приятели рвут кувшинки.

— Никогда в жизни еще для девчонки цветов не рвал, — замечает Панкратов.

— Для такой девчонки можно, — отвечает Сева и прибавляет, помолчав: — И вообще, привыкать пора.

— Гы-ы! Валерк! — раздается чей-то голос. — Для девчонки цветочки рвут!

Приятели оглядываются. На берегу, у самого выхода из бухты, удит рыбу мордастый мальчишка. Ослабившись, он смотрит на них.

— Ухажеры! — гнусавит другой рыболов, долговязый, тощий, с длинным чубом.

Не обменявшись ни словом, даже не оглянувшись, приятели поворачивают лодку и подгребают к берегу. Сева выскакивает из байдарки и подходит к мордастому.

Хлоп! С головы мальчишки слетает кепка.

Хлоп! Севины очки летят на землю, а сам Сева — в прибрежную осоку.

Панкратов прыгает из байдарки, но он не замечает, что лодка отошла от берега. Он тоже шлепается в воду.

В одно мгновение приятели выскакивают на сушу. Они все перемазаны тиной. Увидев могучего Ивана, рыболовы бросаются удирать. Тот бежит за ними по заросшему кустами склону, а Козлов, согнувшись волчком, вертится на одном месте.

— Очки сшибли! — кричит он и вытаскивает очки из травы. — Нашел!.. Стекла нет!.. Стекло вылетело!.. Нашел!

Надев очки, сунув вылетевшее стекло в карман, Сева мчит за приятелем.

А байдарка все дальше и дальше отходит от берега.

— Благодарю вас! Всего хорошего! — произносит молодой человек, повесив свой магнитофон на плечо. Он жмет руку Галине Васильевне, водителю, Лиде и направляется к воротам.

Толстый радист идет за ним:

— Скажите, пожалуйста, а когда передача будет?

— Послезавтра в восемнадцать тридцать.

Рыболовы пересекают улицу, по которой ребята ехали на автобусе, сворачивают в один переулок, потом в другой, потом в третий. Неуклюжий Панкратов плохо бегаёт, Сева скоро нагоняет, а затем и перегоняет его.

А путешественники уселись кругом на траве возле сторожки. Дневальный ставит в центре круга ведро с похлебкой и стопки мисок...

А тень на солнечных часах лежит на цифре «три»...

А пустая байдарка медленно движется от бухточки в залив...

А погоня продолжается... Козлов намного опередил Панкратова: тот пыхтит метрах в пятидесяти позади.

Вот рыболовы ныряют в какой-то двор, Сева — за ними. Двор оказывается проходным. Рыболовы выскакивают на улицу и, закрыв за собой калитку, держат ее. Козлов всем телом бухает в калитку раз, другой, но та не поддается. Тогда Сева подбегает к скамейке, стоящей перед высоким забором, вскакивает на нее, подтягивается на руках и... спрыгивает с забора прямо на уличный лоток, уставленный решетками с черешней и клубникой.

Еще через секунду в решето с клубникой спрыгивает Панкратов.

А байдарка уже на середине залива. Вот она поравнялась с лодочной станцией, вот миновала ее. Ветер гонит ее дальше, в сторону водохранилища.

С лодочной станции так и не заметили ее. Здесь все заняты обедом. Ребята, кто сидя, кто лежа на траве, едят из алюминиевых мисок густую похлебку, набивают рты большими кусками хлеба.

Девочка-дневальная держит в руках еще одну порцию супа.

— Кто не получил? У меня две миски лишние.

Лида поднимается на колени, оглядывает ребят.

— Козлова нет и Панкратова нет, — отмечает она и вдруг быстро вскакивает. — Ой! И байдарки нет!

Солнечные часы показывают начало пятого.

Путешественники толпятся возле мостков, вглядываются в даль залива.

— Три-четыре! — командует вожатый.

— Ва-ня! Се-ва! — хором кричат ребята.

«...ева!» — доносится эхо с противоположного берега.

— Козлов! Панкратов! — кричит Галина Васильевна, сложив ладони рупором.

«...атов!» — отвечает эхо.

А Сева с Ваней стоят перед деревянной перегородкой, за которой сидит дежурный по отделению милиции. Тут же находится и продавщица.

— Только вы, товарищ лейтенант, не отпускайте их, пока адреса не узнаете, — говорит она дежурному. — А то ведь мне из своего кармана за товар платить...

Лейтенант молча кивает ей, и продавщица уходит.

— Значит, отказываетесь говорить: где живете, в какой школе учитесь? — обращается к ребятам дежурный.

Мальчишки не издают ни звука. Лицо у Сева невозмутимое, каменное. Ваня стоит весь красный и слегка помаргивает.

— Ну что ж! У меня время есть. Присаживайтесь, отдохайте!

Приятеля машинально садятся на скамью у стены. Дежурный отворачивается от них и начинает заниматься лежащими на столе бумагами. Ваня моргает все чаще, кривит рот. Сева косится на него.

— Не реви, слышишь! — сердито шипит он.

Панкратов сдерживается, судорожно глотает слюну. Сева снимает очки, вынимает из кармана выпавшее стекло и принимается вставлять его в оправу.

Возле мостков стоит угрюмая толпа ребят.

— Разгружайте лодки и складывайте вещи в кладовую, — командует вожатый.

— Се-ень! — канючат ребята. — Может быть, их скоро найдут...

— Ну и что ж, что найдут? Посмотрите, который час! — Вожатый и ребята оглядываются на солнечные часы. Они показывают половину шестого. — Давайте разгружайте! Завтра с утра пойдем.

Ворча, с надутыми губами и сердитыми лицами, ребята начинают вытаскивать из лодок багаж.

А по заливу мчится моторная лодка. На руле сидит парень с лодочной станции, с ним едут учительница, Лида Морина и толстый радист.

Лодка подходит к бухточке, где Сева с Ваней собирали кувшинки.

— Се-ва! Ива-ан! — кричит Лида, глядя на заросший ветлами берег.

Никто не отзывается.

Лодка мчится дальше. Вот она в конце залива, куда впадает маленькая речушка.

— Козлов! Панкратов! — кричат Лида и радиолобитель.

На станции ребята в гробовом молчании, еле передвигая ноги, ходят от лодок к сарайчику возле сторожки, таскают мешки и ящики, волокут мачты.

Слышится негромкий рокот. Ребята останавливаются, оглядываются. Вдали, у противоположного берега, идет моторка в сторону водохранилища.

— Козлов! Панкратов! — доносится приглушенный расстоянием крик.

Ребята провожают глазами моторку и снова плетутся со своей ношей.

Моторка теперь у самого выхода из залива. Вот она разворачивается и направляется к станции. Вдруг Лида приподымается и смотрит куда-то вправо, широко открыв глаза:

— Галина Васильевна, смотрите!

Что-то темное медленно плывет по самой середине залива, и что-то слабо поблескивает на этом темном.

Моторист направляет лодку к непонятному предмету, и скоро лица у всех четверых становятся серыми и неподвижными.

Перед ними — пустая байдарка. На ней поблескивают дюралевые весла. Одно весло лежит поперек лодки, другое свалилось в воду, но зацепилось лопастью за фальшборт.

Моторист сбрасывает газ, и наступает полная тишина.

— Плохо! — чуть слышно произносит моторист.

Ни учительница, ни ребята не говорят ни слова.

Лодка по инерции подходит к байдарке. Брякнув веслами, моторист кладет их в лодку. Потом он вытаскивает из воды конец шпагата, привязанного к кольцу на носу байдарки.

— Они плавать умеют? — тихо спрашивает он.

Учительница молчит. Взгляд у нее пустой. Чтобы не дрожали руки, она крепко обхватила колени ладонями.

— Они плавать умеют? — снова тихо спрашивает моторист.

— Средне, — так же тихо отвечает радист.

Парень запускает мотор, дает полный газ, и лодка с привязанной на буксире байдаркой несется по водохранилищу то в одном направлении, то в другом.

Сева с Ваней неподвижно сидят на скамье и молчат. Молчит и дежурный, как ни в чем не бывало занимаясь своими бумагами.

Вдруг Ваня вздрагивает.

— Эй! А лодка-то! Байдарка! Ведь ее уведут! — взволнованно шепчет он.

Сева резко выпрямляется на скамье, секунду о чем-то думает, потом встает и подходит к дежурному:

— Товарищ дежурный, мы в седьмой школе учимся. Наша учительница тут, недалеко.

Моторка огибает остров на водохранилище.

— Козло-о-ов! Панкратов! — кричит моторист.

Учительница, Лида, радиолюбитель молчат, только смотрят на остров. Смотрят тупо, безнадежно.

Моторист направляет лодку к другому острову, но вдруг круто поворачивает.

— Заявить надо! — говорит он под рев мотора.

Учительница так стискивает пальцы, что косточки белеют.

И вот лодка уже возле станции. Почему-то все ребята густой толпой стоят у ворот. Никто из них не оглянулся на шум приближающейся моторки.

Рокот двигателя обрывается, лодка плавно подходит к мосткам. Учительница и ребята выпрыгивают из нее и бегут к толпе.

Только тут путешественники замечают их.

— Галина Васильевна! Нашлись! — кричат они.

Толпа расступается перед учительницей, и она видит милиционера и Севу с Ваней. Милиционер подносит пальцы к козырьку

— Так вот, товарищ учительница... — Он кивает на двух приятелей. — Весы сломали... Ягоды подавили...

Галина Васильевна долго, словно ничего не понимая, смотрит на милиционера, потом переводит взгляд на Севу с Ваней. Вдруг она поворачивается и быстро, почти бегом уходит в сторожку, где дневальные варили обед.

Путешественники молча смотрят на дверь сторожки. Одна из девочек подходит к этой двери, осторожно заглядывает в нее и возвращается к ребятам.

— Плачет, — говорит она тихо.

— С такими заплачешь! — произносит милиционер.

Угрюмый Козлов встречается взглядом с Лидой. Не мигая, с великим презрением смотрит она на Севу своими огромными серыми глазами. Потом молча поворачивается к нему спиной.

В маленькую кухоньку при сторожке входит усатый старик. Галина Васильевна сидит на табурете, уронив руки на дощатый стол, на руки — голову. Плечи ее трясутся.

— Ну, ну! — мягко говорит старик и, зачерпнув кружкой воды из ведра, подходит к учительнице. — Ну, будет, будет!..

Галина Васильевна берет кружку, пьет, потом, достав из кармана брюк платок и зеркальце, тщательно вытирает лицо.

Она выходит из сторожки с припухшими глазами, все еще комкая платок.

— Отправляйте детей. Ведите их на трамвай! — говорит она водителю. — Я сама доберусь.

— Все вещи убраны? — спрашивает водителю.

— Все, — угрюмо отвечает несколько голосов.

— Становитесь парами!

Ребята выполняют приказание.

— Отряд, смирно! Шагом марш!

Путешественники молча проходят мимо Вани и Севы. Сзади всех идет девочка с черными косичками, та, которая устанавливала солнечные часы.

— У, какие-то! — говорит она Козлову с Панкратовым.

Те молча отворачиваются.

...В комнате, обставленной современной мебелью, сидит маленькая, сухонькая старушка с пенсне на носу. Она одета в хороший английский костюм с белой блузкой. В одной руке у нее книга, в другой мундштук с дымящейся сигаретой. Она сидит откинувшись на спинку кресла, вытянув ноги, и вид у нее такой безмятежный, словно она всю жизнь только и знает что читает да покуливает.

Стенные часы бьют шесть. Старушка закрывает книгу и, поднявшись, выходит в переднюю.

Там она тихонько стучит в другую дверь:

— Анфиса Петровна! Не спите?

— Не сплю. Входи, Надежда Леонидовна!

Надежда Леонидовна входит.

Обстановка в этой комнате иная: старомодный буфет, диван с высокой спинкой, на окнах кружевные занавески и цветы в горшках.

За столом пьет кефир, закусывая булкой, еще одна старушка — полная, расплывшаяся, улыбчивая.

— Кефира хочешь, Леонидовна?

— Благодарю. Не хочу.

— Я сегодня тоже обеда не готовила. Ну его! Вот кефиру попила и сыта.

Присев на диван, Надежда Леонидовна кладет ногу на ногу.

— У меня к вам предложение. Пойдемте в кино?

— Ишь как разгулялась, Леонидовна! — улыбается полная старушка.

«Леонидовна» затягивается сигаретой:

— Надо хотя бы раз в год почувствовать себя не бабушкой, а человеком.

— Пойдем! — решительно говорит Анфиса Петровна и, поднявшись, прячет в буфет бутылку из-под кефира, грязный стакан, остатки хлеба. — Я сегодня и посуду мыть не буду. Пойдем! Переоденуть вот...

Она уходит в смежную комнату и через некоторое время говорит оттуда:

— Леонидовна!

— Ну?

— А я, грешным делом, боялась, что наших не возьмут за вчерашнее-то. Все ждала, что их обратно домой пришлют. Я только тебя не хотела расстраивать.

— Я тоже к этому приготовилась.

Раздается звонок. Надежда Леонидовна поднимается с дивана. Из смежной комнаты выходит Анфиса Петровна, уже одетая в шелковое платье.

И вот обе старушки стоят в передней, а перед ними милиционер, Галина Васильевна и Сева с Ваней, в костюмах, перепачканных засохшей тиной и раздавленными ягодами.

— Извините за беспокойство, — говорит милиционер.

— Здравствуйте, — произносит учительница.

Анфиса Петровна моргает, полное лицо ее дрожит.

— Господи, ты господи!.. — бормочет она.

— Здравствуйте! — отвечает Надежда Леонидовна и молча, с поджатыми губами ждет. Лицо у нее такое же каменное, как у Севы.

— Это бабушка Козлова, а это бабушка Панкратова, — говорит учительница милиционеру и обращается к Надежде Леонидовне: — Это верно, что родители мальчиков в отъезде?

— Да, именно так, — отчеканивает старушка. — Родители Козлова и родители Панкратова работают на трассе газопровода. Позвольте узнать, что произошло?

— Придется убытки возмещать, — сочувственно говорит милиционер.

— Так! — кивает Надежда Леонидовна и молча ждет дальнейших объяснений.

Учительница грустно смотрит на старушку.

— Мне очень неприятно, Надежда Леонидовна, но я... я не могу взять этих мальчиков в поход. Вы войдите в мое положение: они самовольно взяли байдарку, уплыли на ней, могли утонуть... Они пропали на несколько часов. Я ужас что пережила...

— Я вас вполне понимаю, — отчеканивает Надежда Леонидовна. — Прощу! Зайдите в комнату, товарищи!

Взрослые проходят в комнату, а Сева с Ваней снимают с себя рюкзаки.

Уже в сумерках Галина Васильевна подходит к большому пятиэтажному дому, сворачивает в подъезд. В подъезде она

приостанавливается. Сверху, с площадки второго этажа, доносится рычание, потом кто-то плаксиво говорит:

— Ма-а-ма! Он кусается!

— Павлик, не надо кусаться, — произносит мягкий женский голос.

Галина Васильевна поднимается по лестнице, тревожно прислушиваясь к голосам наверху.

— Ма-а-ам! Ну чего он кусается!

— Павлик, не надо кусаться, не шали! — все так же мягко повторяет женщина.

— Я людоед, — басом отвечает Павлик и продолжает рычать.

— Я сама людоед! — пищит тоненький голосок. — Я сама тебя съем! Ам-ам-ам-ам!

Учительница приближается к площадке второго этажа и видит такую картину.

Спиной к ней, нажимая кнопку звонка, стоит растрепанная, темноволосая женщина. У ее ног — два чемодана и два детских велосипеда: двухколесный и трехколесный. Тут же ползают на четвереньках и кусают друг друга мальчик и девочка лет по пяти.

— Аня! — вскрикивает Галина Васильевна.

Женщина оборачивается.

— А вот и тетя Галя пришла! — улыбается она

Малыши встают и таращат глаза на учительницу. Вид у Галины Васильевны озадаченный.

— Аня... Какими судьбами?

Аня, как видно, забыла, что находится на площадке лестницы. Она приготвилась долго говорить.

— Понимаешь, Галочка... Недавно я ознакомилась с трудами профессора Шарикова, который живет в вашем городе...

— Во-первых, здравствуй все-таки, — перебивает ее учительница и целует приезжую.

— Здравствуй. — Аня чмокает воздух. — Так вот, профессор Шариков еще в сороковых годах опубликовал работу, очень близкую по теме к моей диссертации. Он, например, опытным путем доказал...

— Подожди! Давай хотя бы в квартиру войдем, — говорит учительница и вставляет ключ в замок.

Женщины вносят чемоданы и велосипеды в комнату. Малыши входят за ними.

— Так вот, я говорю, он пришел к выводу, что глина в воде обладает всеми свойствами, присущими обыкновенному раствору. Пропуская через глину электрический ток, он убедился...

— Минутку! Короче говоря, ты приехала, чтобы повидать профессора.

— А заодно и брата и его жену, — улыбается Аня.

— Но почему же ты не дала телеграмму?

Секунду Аня озадаченно молчит.

— Откровенно говоря... Я об этом как-то не подумала...

— А ты знаешь, что я совершенно случайно сегодня в городе оказалась? Я завтра с детьми в поход уйду.

— А Сережа?

— А Сережа в район уехал.

— Да, это было легкомысленно с моей стороны, — бормо-

чет Аня и тут же меняет тон. — Мой Володя тоже уехал. На конференцию. В ГДР. Как ты находишь моих двойняшек? Подросли?

— Подросли. Но вот зачем Павлик держит палец во рту? Только что ползал по грязной лестнице...

— Павлик, вынь палец изо рта, — мягко говорит Аня.

Упитанный, розовощекий Павлик улыбается, зажав указательный палец между зубами.

— Ы! — коротко мычит он и качает головой.

— Павлик, вынь па-

лец изо рта. Нехорошо так себя вести, — монотонно повторяет Аня.

— Ы!.. — отвечает Павлик и весело поглядывает то на одну женщину, то на другую.

— Вот попадут в тебя микробы и заболеешь, — говорит Аня и обращается к Галине Васильевне: — Я их потому с собой взяла, что у нас няня прихворнула. Надо ей немножко отдохнуть.

— А что с няней?

— Врачи находят нервное истощение. Павлик, вынь палец изо рта.

— Ы!.. — говорит Павлик.

— Странно они у тебя воспитаны, Анна Николаевна, — замечает учительница.

— Галочка, я ведь не педагог, я химик, — улыбается Аня. — Павлик, я ещё раз тебе говорю: вынь палец изо рта!

— Ы!.. — качает головой Павлик.

Комната Панкратовых. Ваня сидит за столом, с аппетитом уплетает борщ. Анфиса Петровна вертит в руках перепачканные штаны и рубашку.

— Вон как изгваздал, вон! — говорит она подрагивающим голосом. — Ты вон спать ляжешь, а бабушка чисть, да стирай, да гладь!..

Ване не по себе, но он выдерживает характер.

— А я и в грязном могу ходить... Я не стилига какой-нибудь, — бурчит он.

Гнетущее молчание царит за столом в комнате Козловых. Надежда Леонидовна и Сева сидят напротив друг друга. Сидят, вытянувшись на стульях, сидят с холодными, безразличными лицами.

Вот Надежда Леонидовна ставит свой стакан на блюде, встает и берет со спинки стула перепачканные Севины штаны. Она не ворчит, не причитает, как Анфиса Петровна. Поджав губы, поблескивая стеклами пенсне, она демонстративно разглядывает брюки, разглядывает долго, обстоятельно, вытягивая во всю длину то одну штанину, то другую.

Сева тихонько наблюдает за ней.

— Вообще... я их сам могу почистить, — негромко бормочет он.

Надежда Леонидовна не достаивает его даже взглядом. Подчеркнуто размеренными движениями она складывает брюки и удаляется.

Обе бабушки стоят во дворе, где уже сгущаются сумерки. Обе усердно орудуют щетками, отчищая от брюк присохшую тину. Наконец Анфиса Петровна останавливается:

— Что же делать-то будем, Леонидовна?

— Терпеть, — отчеканивает «Леонидовна», не прекращая работы.

— Они же за лето совсем дикими станут... Может, пойти завтра в школу да поклоняться?

— Бесполезно! — говорит Надежда Леонидовна.

Анфиса Петровна тяжело вздыхает, складывает брюки и направляется к подъезду, но тут дорогу ей перебегают черная кошка и садится в сторонке на асфальт. Анфиса Петровна делает большой крюк, оглянув кошку и стараясь ее не спугнуть. Надежда Леонидовна с презрением наблюдает за ней.

— Как вам не стыдно, Анфиса Петровна!

Смущенная Анфиса Петровна стоит уже в подъезде.

— Ни в какие приметы не верю, ни в какие! — горячо говорит она. — А вот черных кошек боюсь. Ну что хочешь со мной делай — боюсь!

Сева сидит за столом, поставив одну ногу на стул, обхватив колено руками. Он напряженно думает о чем-то.

— Сев!.. Ты один? — слышится за дверью.

— Один. Иди сюда!

Входит Ваня.

— Сев... Может, возьмем завтра рюкзаки да пойдем попросим Галину Васильевну, а?

Сева поднимается со стула и смотрит на Панкратова, расставив ноги, упершись кулаками в бока.

— Только зря унижаться... У меня получше проект.

— Сев!.. Какой проект?

Сева выходит в переднюю, прислушивается. Из-за приоткрытой двери на лестницу доносятся шаги.

— Разговор долгий. Приходи в кухню, когда бабушки уснут, — говорит Козлов, и сразу после этого в переднюю входит Анфиса Петровна.

И вот в освещенной лунным светом кухне стоят две фигуры, завернутые в простыни.

— Мы перед Лидой виноваты? — спрашивает шепотом Козлов.

— Виноваты, — тихо отвечает Ваня.

— Перед ребятами виноваты?

— Виноваты.

— Мы должны загладить свою вину?

— Н-ну... Вроде и не мешало бы...

— Теперь представь себе такое: ребята путешествуют, ведут всякие там исследования, испытывают разные трудности, и все время чья-то невидимая рука оказывает им таинственную помощь...

— Это чего: наша рука?

— Ага! Предположим, ребята просыпаются, а перед ними на дереве висит целая связка только что выловленной рыбы... Или так: в дерево вонзается стрела, а на ней записка: «Будьте бдительны. Местные хулиганы собираются на вас напасть».

— Значит, удрать... — шепчет Иван.

— Удрать и тайком следовать за ними.

— Лодки нет.

— Сначала по суше будем следовать, а потом плот построим.

— Маршрута не знаем.

— Узнаем. Положись на меня.

Панкратов долго думает.

— Э!.. — вдруг говорит он почти полным голосом. — А как же бабушки?

— Насчет бабушек у меня все продумано.

...Утро. Дверь в комнату Панкратовых приоткрывается. В нее заглядывает Сева.

— Давай поторапливайся, — тихо говорит он. — Девятый час уже.

— Сейчас, — пыхтит Иван. — Не могу деньги достать.

Он возится с большой фаянсовой собакой-копилкой. Ваня трясет собаку, ковыряет в ней ножом, но деньги из нее не вылезают.

— Клади в рюкзак, потом разобьем, — советует Козлов.

Панкратов достает из-под кровати рюкзак и запихивает в него собаку. Оба приятеля направляются в кухню, где старушки моют посуду.

— Бабушка! — начинает Сева, тщательно подбирая слова. — Во-первых, мы извиняемся за вчерашнее. У нас это нечаянно получилось.

— Слишком многое у вас нечаянно получается.

— Во-вторых... мы пришли к вам посоветоваться. Что, если нам взять рюкзаки и пойти попросить Галину Васильевну?

— Бесплезно, — отрезает старушка.

Но тут вмешивается Анфиса Петровна:

— Ты, Леонидовна, заладила свое: «Бесплезно да бесплезно!» Попытка не пытка, а спрос не беда. Я возьму вот да сама с ними и пойду!

— Что ж! Пойдите прогуляйтесь, Анфиса Петровна.

— И пойду! А ну, где ваши мешки? Забирайте скоренько!

Выйдя в переднюю, Анфиса Петровна надевает пыльник. Мальчишки выходят за ней. Они так обескуражены, что долго не могут говорить.

— Баб... ты... ты зря... — бормочет Ваня. — Зачем тебе ходить? Лучше мы сами...

— Конечно, Анфиса Петровна! — взволнованно подхватывает Сева. — Понимаете... Галина Васильевна... она не любит, чтобы взрослые за ребят просили. Вы можете все дело испортить...

— А вы уж исправите! Как вчера исправили. Ну! Берите мешки! — решительно говорит Анфиса Петровна.

Приятели с мешками за плечами плетутся по переулку. Они угрюмы, подавлены. За ними, отстав шагов на пять, идет впередилочку Анфиса Петровна.

— Лопнуло дело! — чуть слышно говорит Сева.

— Ханá! — вздыхает Ваня.

Уже видна школа, уже слышен гомон ребячьих голосов. Друзья прислушиваются к нему, и лица их становятся все мрачнее.

На тротуаре, по которому они идут, у самой стены греется на солнце черная кошка. Не замечая ее, Сева с Ваней проходят мимо.

— Ах, чтоб тебя! — вскрикивает сзади Анфиса Петровна.

Мальчишки оглядываются и видят: кошка, сорвавшись с места, перебежала улицу и скрылась во дворе напротив. Анфиса Петровна стоит на месте, и вид у нее очень расстроенный.

— Ну, вот и делу конец! — говорит она. — Возвращаться надо!

И тут Севу осеняет гениальная идея.

— Анфиса Петровна! Так это же она вам дорогу перебежала, а не нам!

Анфиса Петровна молчит, соображая.

— Баб, верно! — волнуется Панкратов. — Бабуль... ты иди домой, а мы сами... Если мы через час не вернемся, значит, нас взяли в поход.

Иван не умеет хитрить. Он говорит так фальшиво, что бабушка подозрительно смотрит на него.

— Нет уж... Вы идите, а я тут постою. Погляжу, как вас возьмут.

Перед школьным крыльцом выстроились в одну шеренгу путешественники. Все они пришли сегодня налегке: багаж остался на лодочной станции.

К стоящей перед строем Галине Васильевне подходит вожатый:

— Товарищ начальник похода! Шестой отряд пионерской дружины имени Гайдара к походу готов. Присутствуют все пионеры, за исключением Козлова и Панкратова. Рапорт сдан.

— Рапорт принят. Скомандуйте «вольно».

— Вольно!

Галина Васильевна поворачивается лицом к отряду.

— Значит, так, ребята... — начинает она и не договаривает.

Громкий шепот проносится по шеренге. Все смотрят в

сторону калитки. Оттуда, направляясь к Галине Васильевне, идут Козлов и Панкратов.

Вот они подошли к учительнице, остановились перед ней. Та холодно смотрит на них.

— Почему вы пришли? И почему с мешками?

— Может, возьмете нас, Галина Васильевна? — тихо спрашивает Сева.

Учительница вглядывается в унылые физиономии ребят. Видно, что ей жалко их. Но вдруг перед ее глазами возникает пустая байдарка, медленно движущаяся по воде.

— Это исключено, — говорит Галина Васильевна.

— В две шеренги становись! — командует вожатый.

Ребята исполняют приказание.

— На-пра-во! — Вожатый обращается к учительнице. — Можно двигаться, Галина Васильевна?

— Идемте!

— Шагом марш!

Звучит горн, гремит барабан. Колонна ребят направляется к калитке.

— Галина Васильевна, можно мы проводим вас? — быстро спрашивает Сева.

— Только до трамвая, — отвечает учительница.

Козлов тихонько толкает локтем Панкратова.

— Хорошо! Только до трамвая! — говорит он радостно.

Анфиса Петровна все стоит перед невидимой чертой, проведенной черной кошкой. Стоит и смотрит на ограду школы. И вдруг она видит, как из калитки выходит колонна ребят. Рядом с колонной шагают вожатый и учительница, а в самой последней паре идут Ваня и Сева. Незаметно для учительницы и вожатого мальчишки оглядываются на Анфису Петровну, весело машут ей.

Лицо старушки расплывается в радостной, умильной улыбке. Она долго смотрит на удаляющихся ребят, потом поворачивается и спешит обратно домой.

На остановке трамвая колонна рассыпается, путешественники стоят нестройной толпой. Ребята не разговаривают с

Севой и Ваней, стараются не смотреть на них. Так же ведет себя и Лида Морина, когда Козлов с Панкратовым подходят к ней.

— Ты все еще злишься, Лидка? — говорит Сева.

— А по-твоему, я вас благодарить должна?

— Лид!.. А ты знаешь, из-за чего все это! Из-за цветов! Мы тебе букет хотели преподнести, — говорит Панкратов.

— Спасибо за подарочек, — цедит сквозь зубы Лида и отворачивается.

К ней подходит Галина Васильевна:

— Лида! Быстренько! Сбегай ко мне домой. Я на письменном столе карту маршрута забыла.

Лида хочет бежать, но ее останавливает вожатый:

— Галина Васильевна, у меня запасная карта есть.

— Тогда не надо, Лида.

Подходит трамвай. Путешественники садятся в него. Стоя на площадке, Лида поворачивается к Козлову с Панкратовым:

— Всего хорошего!

— До свиданья, — кивает ребятам учительница.

И Лида и Галина Васильевна стараются говорить сухо, но видно, что им не по себе.

Трамвай трогается. Приятели долго смотрят ему вслед.

— Ну!.. Куда ж мы теперь? — говорит наконец Иван.

— К Галине Васильевне, домой.

— Чего? Зачем к Галине Васильевне?

— Карту взять. Ты понимаешь, как нам повезло? На карту весь маршрут похода нанесен.

Ребята поднимаются по лестнице в доме учительницы.

Вот они на площадке, куда выходят двери трех квартир

Дверь квартиры Галины Васильевны распахнута настежь.

На пороге тихонько всхлипывает Даша. Павлик стоит на цыпочках перед квартирой справа и нажимает кнопку звонка.

— Мама, там тоже никто не открывает, — кричит он, возвращаясь к открытой двери. — Мама, тут какие-то мальчишки пришли.

— Кто там? Войдите сюда! — слышится из квартиры слабый голос.

В сопровождении малышей Сева и Ваня проходят в комнату. Здесь на кушетке, накрывшись пальто, подложив под голову

белую подушку, лежит Анна Николаевна. Лицо у нее страдальческое, но она старается говорить как можно спокойнее:

— Мальчики, вы кто?

— Здравствуйте, — говорит Сева. — Понимаете... Галина Васильевна забыла карту с маршрутом похода...

Анна Николаевна слегка приподнимает голову:

— Значит, Галина Васильевна... еще не уехала?

— Нет. Она на лодочной станции, — говорит Сева.

— Она ждет, когда мы карту принесем.

— Мальчики, это очень хорошо! — с трудом, но очень то-ропливо говорит Анна Николаевна. — Мальчики, я сейчас вы-звала неотложку... Как видно, аппендицит... Только Галя ушла... тут и началось... Мальчики, бегите к Галине Васильев-не, скажите, чтобы она немедленно возвращалась... Дети со-всем одни... Пусть отложит поход... Понимаете, дети совсем одни...

Анна Николаевна опускает голову на подушку и прику-сывает губу. Остолбневшие приятели молча смотрят на нее.

У подъезда стоит санитарная машина. Возле нее — жен-щина-дворник, несколько жильцов. Два человека в белых ха-латах выводят под руки Анну Николаевну. За ней идут Сева, Ваня и малыши.

— Мама, не уезжай! Мама, не уезжай! — хнычет Даша.

Павлик надул губы и щеки, сильно хмурится, но молчит.

— Ребятишек на кого оставите? — спрашивает дворник.

— Вот мальчики... Один Галину Васильевну вызовет, дру-гой... другой с малышами побудет...

Машина с Анной Николаевной отъезжает.

— А вы кем Галине Васильевне будете? — спрашивает дворник.

— Ученики, — отвечает Ваня и тихонько говорит Севе: — Беги! А то уедут еще,

Сева срывается с места и мчится по улице.

Ваня открывает ключом дверь квартиры, входит с малы-шами в комнату.

Даша кривит рот, трет кулаками глаза.

— Где мама? Я к маме хочу! — плаксиво говорит она.

Иван чешет в затылке, растерянно смотрит на малышей:

— Ну, чего тебе мама? Подумаешь, мамы не видали! Без мамы лучше: что хотим, то и делаем!

— А мы и при маме что хотим, то и делаем, — возражает Павлик. — Я тоже к маме хочу!

Панкратов снова чешет в затылке, потом снова говорит с наигранной веселостью:

— Слушайте, вы, как вас там... Чем про маму вспоминать, давайте лучше сказки рассказывать. Я такую интересную сказку знаю, прямо ахнете! Жила-была Красная Шапочка, а у нее был серый волк...

— Не серый волк, а бабушка, — говорит Павлик.

— Я к маме хочу! — повторяет Даша и топает ногой.

Иван оттирает пот со лба:

— Ладно! Не хотите сказок — давайте в игрушки играть.

Игрушки есть?

— Нету игрушек. Одни велосипеды, — отвечает Павлик.

Ваню осеняет идея.

— А у меня есть! — весело говорит он и, развязав рюкзак, лежащий у стены, достает из него мопса-копилку. — Смотрите, какой хороший! Гав! Гав!

Даша пятится от мопса, она уже совсем готова заплакать:

— Уходи! Я его боюсь!

— Он противный, — говорит Павлик.

— Противный? Да? Противный? А может, это волшебная собака! А хотите, я вам фокус-мокус покажу! — Он вынимает из рюкзака старую газету, разворачивает ее и расстилает под батареей центрального отопления. — Смотрите! Энз-бэнэ-Карабас! — Он трахает гипсовым псом о батарею центрального отопления, и вместе с осколками на газету сыплется куча никелевых и бронзовых монет. — Во! Видели!

Малыши сразу забывают о маме. Они становятся на четвереньки перед газетой.

— Мороженого купим, — говорит Павлик.

— Нате вам на мороженое! — Ваня отдает им несколько монет.

— Мы хотим три порции мороженого.

— Мы хотим десять порций, мы хотим десять порций! — пищит Даша.

— Дудки! — Ваня кладет остальные монеты в карман. — А чем мы с Севкой питаться будем?

Он заворачивает осколки в газету и выходит с ними из комнаты. Малыши встают. Лица у них огорченные. Взгляд Павлика падает на гипсовый бюст Вольтера, стоящий на письменном столе.

В кухне Панкратов выбрасывает осколки в мусоропровод. — Энэ-бэнэ-Карабас! — слышится за стеной, затем следует глухой удар.

Ваня со всех ног бросается в комнату и застывает на пороге.

— Крепкий! — замечает Павлик. — Энэ-бэнэ-Карабас! — и снова удар по батарее.

— Эй! Вы что, спятили? — кричит Иван, но уже поздно: обломки Вольтера лежат на полу.

Сева вбегает в ворота лодочной станции. Все лодки уже оснащены и погружены. Часть ребят уже разместилась в них, другие, вместе с вожатым и учительницей, стоят на берегу.

— Галина Васильевна! Галина Васильевна! — кричит Сева, подбегая к учительнице.

Та с грустью, с досадой смотрит на него:

— Козлов! Ну, неужели тебя опять домой провожать!

К Козлову подбегает Лида.

— Севка! Как не стыдно! Как тебе все-таки не стыдно! — с обидой, со слезами в голосе говорит она. — Вчера из-за тебя поход сорвался!.. Хочешь и сегодня сорвать?

Лицо Севы каменеет. Долго, очень долго он смотрит на Лиду.

— Есть! — отчеканивает он. — Сегодня не сорвется поход!

Еще раз взглянув в огромные Лидины глаза, он круто поворачивается и твердым шагом удаляется к воротам. Там он останавливается и смотрит, как отчаливают лодки с поднятыми парусами, как идет впереди байдарка под парусом, в которой сидят учительница, Лида и толстый радист.

...Сева приближается к дому Галины Васильевны. У ворот его останавливает женщина-дворник.

— Где же учительница-то?

— Уехала.

— Вот это да! А как же ребятишки?

— Мы будем присматривать.

— Как это такое — вы?

— Очень просто! Нам отряд поручил, чтоб не срывать похода.

— Стало быть, ребята уехали, а вы остались?

— Лучше двоим остаться, чем тридцати.

Женщина, улыбаясь, смотрит на Севу:

— Ишь какие сознательные!

Ваня сидит на кухне, обалдело смотрит на стоящего перед ним Козлова.

— ...И вот я подумал, — говорит Сева. — Пусть они путешествуют, пусть думают про нас что угодно... Когда-нибудь они узнают, что мы для них сделали... Когда-нибудь поймут, кто не дал сорваться походу.

— Там вожатый еще есть, Сеня, — угрюмо замечает Панкратов.

— «Сеня»! Так бы он и остался один с тридцатью человеками! А во-вторых, кто будет исследования насчет ондатры проводить? Биолог-то Галина Васильевна, а не Сеня!

— Могли бы и без исследования обойтись.

— Да? Могли бы? А ты знаешь, что эти исследования в план пионерской двухлетки включены!

— Энэ-бэнэ-Карабас! — слышится за стеной.

Ваня вскакивает с испуганным лицом и бежит из кухни. Сева за ним.

Ворвавшись в комнату, они застывают на пороге.

— Хлоп! — Павлик разбивает о батарею статуэтку из майолики.

— Опять! — Иван бросается к малышам. — Севк! Ну чего с ними делать? Третью статуэтку бьют!

— Не слушаются? — спрашивает Сева.

Панкратов показывает Севе кончик указательного пальца:

— Ну вот, ни на столечко! Чего хочешь говори — на все ноль внимания.

Сева приглядывается к малышам. Те, в свою очередь надув губы, исподлобья смотрят на своих воспитателей.

— Уходите отсюда! — вдруг басом говорит Павлик и, подняв осколок майолики, бросает его в Ивана.

— Во! Видел? — говорит Ваня товарищу.

— Уходи отсюда! Уходи отсюда! Уходи отсюда! — пищит Даша и бросает осколком в Севу.

Тот отворачивается, осколок попадает в дужку очков. Из оправы вылетает стекло.

— Во! Видел? — снова говорит Иван.

Подхватив стекло на лету, Сева долго смотрит на малышей. Он молчит, только сопит от злости. Но вот он снимает оправу, вставляет стекло и снова надевает очки.

— Этого так оставить нельзя, — говорит он с леденящим душу спокойствием. — Или мы сразу дисциплину наведем, или...

— Ага, Сев!.. Верно! Или они у нас вот где будут! — Похлопав себя ладонью по загривку, Ваня расстегивает ремень на брюках и вытягивает его из петель. Все это он продельывает медленно, обстоятельно. — Сейчас мы вам покажем! Вы у нас в один момент перевоспитаетесь! — говорит он и обращается к Павлику. — А ну, иди сюда!

Павлик молчит и не двигается.

— Ну! — повышает голос Иван. — Ты что думаешь: тебя не касается?

— Чего ты церемонишься с ними! — пожимает плечами Сева. — Если гора не идет к Магомету, то Магомет пойдет к горе.

Ваня приближается к Павлику, легонько шлепает его ремнем вдоль спины:

— Вот тебе!

— Ма-ама! — во всю силу легких кричит Павлик и отчаянно брыкается, сев на пол. — Ма-а-ма!

Даша вскакивает на подоконник.

— Ой, мамочка, мамочка, мамочка! — верещит она так, что со стены срывается окантованный портрет Галины Васильевны.

— Ой, больно! Ой, больно! Ой, больно! — орет Павлик,

стуча по полу каблуками, хотя перепуганный Панкратов уже не прикасается к нему.

Отчаянные вопли малышей доносятся на улицу, где женщина-дворник подметает тротуар. Прохожие останавливаются, оглядываются. Дворник поднимает голову.

— Эй, семнадцатая квартира! Эй, мальчики! — кричит она.

— Ой, больно! Ой, больно! Ой, больно! — несется из окна.

— Эй, мальчики! В семнадцатой квартире! — еще громче кричит дворник.

В окне появляются Козлов и Панкратов.

— Не стыдно вам? — кричит дворник. — Вас не для того назначили, чтобы маленьких бить!

— Они балуются! — кричит Иван.

— Чего? — переспрашивает дворник, потому что малыши продолжают вопить.

— Они не слушаются! — кричит Сева.

— Ну, так что ж из этого? Они маленькие, несознательные. С ними лаской надо да уговорами... Это куда ж годится, маленьких бить!

Друзья отходят от окна. Малыши затихли. Павлик все еще сидит на полу.

— Уходите отсюда! — говорит он и стучает каблуком Ваню по ноге.

— Ну и сидите здесь. — говорит Сева. — Мы с вами и разговаривать не будем. Пошли, Иван!

Панкратов оглядывается, забирает с туалета последнюю оставшуюся в комнате статуэтку, и они вместе с Севой выходят из комнаты.

— Мы сами разговаривать не будем! Мы сами разговаривать не будем! — пищит Даша.

— Мы вам покажем, как драться! — басит Павлик. — Мы вас в комнату не пустим.

Прикрыв за «воспитателями» дверь, он запирает ее на крючок.

Сева с Ваней входят в кухню. Ваня устало садится у стола, Сева угрюмо прохаживается из угла в угол.

— Да! — вздыхает он. — Плывут себе наши ребята на лодках, и никто из них не догадывается, чего нам стоит их поход.

Ваня мрачно смотрит в одну точку:

— В магазин надо сходить: чего-нибудь к обеду купить.

— Может, тут что-нибудь найдем? — говорит Сева и открывает холодильник.

В хорошем кафе сидят за столиком две бабушки. На Надежде Леонидовне — ее вчерашний костюм английского покроя, на Анфисе Петровне — шелковое платье фиолетового цвета. Перед ними с блокнотом в руках стоит официантка. Потягивая сигарету, Надежда Леонидовна смотрит меню.

— На третье — «кафэ-гляссе», пожалуйста.

— Всё? — говорит официантка.

— Да, всё.

Официантка отходит.

— Ох, и денег мы с тобой натратили, Леонидовна! — говорит Анфиса Петровна.

— Вы сегодня пенсию получили? И я получила. Ну и нечего жадничать!

А Сева с Ваней готовят в кухне обед. На газовой плите стоит пустая сковородка, под ней всюю горит огонь. Сковородка перекалилась, и от нее идет чад.

Сева сосредоточенно наблюдает, как Панкратов вынимает из пакета яйцо, берет в руки нож... Тюк!.. Удар ножом слишком силен: яйцо перерублено пополам.

— Опять! — вздыхает Ваня и, счищая пальцем желток с носка своего ботинка, ворчит: — Рррработенка!

Сева оглядывает пол, по которому растоптано содержимое еще одного яйца.

— Ты над сковородкой бей! Чего ты все над полом бьешь да бьешь!

Взяв третье яйцо, Панкратов собирается разбить его над сковородкой.

— Эй, а масло! — вдруг спохватывается он.

Сева берет ножом из масленки большой кусок масла и стряхивает его на сковородку.

С треском летят горячие брызги. Ребята отскакивают в дальние углы кухни. Еще секунда, и масло вспыхивает, вся сковородка охвачена огнем.

Панкратов закрывает газ, дует на сковородку, но та горит. Сева отвертывает водопроводный кран и прижимает к нему большой палец. Косая струя бьет по стенам кухни, окатывает Панкрата и, наконец, попадает на сковородку. Треск и шипение усиливаются, но пламя не гаснет.

— Брось! Пусть само догорит! — кричит Панкратов, снова спасаясь от горячих брызг.

К подъезду школы подбегает молодой человек, бравший у Лиды радиointервью. Он дергает дверь, но та оказывается запертой. Молодой человек нетерпеливо стучит. Появляется нянечка.

— Вам кого? — спрашивает она, приоткрыв дверь.

— Директора, завуча... — тяжело дыша, говорит корреспондент.

— Никого нет, на конференцию ушли.

— Слушайте, мамаша... Вы не знаете, как фамилия биолога Галины Васильевны?

— Галины Васильевны? — Нянечка задумывается. — Знаю, что Галина Васильевна, а как фамилия — мне вроде и ни к чему.

Вид у молодого человека растерянный.

— А как бы узнать, а? Понимаете... Мы сегодня радиопередачу даем о ее походе с ребятами. Я имя-отчество ее записал, а фамилию забыл спросить... Мне от редактора попало.

Нянечка снова раздумывает:

— А вы у соседей ее спросите. Она на Советской улице живет.

— На Советской, говорите? — оживает молодой человек.

— Ага. В новостройке.

— Спасибо! Бегу! — говорит молодой человек и сбегает с крыльца.

В кухне Козлов ставит на стол тарелки, бутылку с молоком, хлебницу. Панкратов кладет на стол вилки, ложки, но-

жи. Потом оба отходят от стола, чтобы издали взглянуть на него.

— Всё, что ли? — спрашивает Панкратов.

— Всё. Пошли! — говорит Сева.

В комнате малыши чувствуют себя прекрасно. Они выгрузили на пол почти все содержимое книжного шкафа и сидят среди книг, брошюр и журналов, разглядывая картинки.

В дверь стучат. Слышится голос Севы:

— Эй, ребята, идите обедать!

— Уходи отсюда! — басит Павлик, обращаясь к двери.

Стоящие в передней Козлов с Панкратовым мрачно переглядываются.

— Ничего себе, а? — цедит сквозь зубы Сева.

— А ну выходи, слышишь! — кричит Иван и трясет закрытую дверь.

Малыши вскакивают с пола и подбегают к окну.

— Ма-а-ма! — кричит Павлик.

— Ой, больно!.. Ой, больно!.. Ой, больно!.. — верещит Даша.

Ваня отходит от двери, в отчаянии смотрит на Севу:

— Ну чего с ними делать? Ну чего?

— Чего делать? Подход надо искать, — хладнокровно отвечает Козлов.

— Какой еще подход?

— Обыкновенный: педагогический.

Ваня смотрит на него, ничего не понимая. Сева поясняет свою мысль:

— Если бы тебя Галина Васильевна отколотила, ты бы что сделал?

— Да я бы... я бы на нее в суд подал!

— Ну и вот! Дошколят теперь тоже не бьют. Они к этому не привыкли, потому и обозлились.

— Ну? — все еще не понимает Иван.

— Значит, придется извиняться.

— Кому?

— Тебе, конечно. Ведь ты их порол.

— Во! Видел! — Ваня показывает Сева кукиш.

Сева злится:

— Слушай! Тебе сколько лет: пять или двенадцать? Прикажешь еще с тобой нянчиться, да? — Он нагибается и говорит в замочную скважину: — Ребята! Ну вот что: Ваня сознаёт свою ошибку, он просит у вас прощения.

Ваня молчит. Сева делает свирепое лицо.

Почти с ненавистью взглянув на товарища, Панкратов наклоняется к замочной скважине:

— Ребята!.. Это самое... Я сознаю. Значит, это... Простите меня!

— А мы не простим! — слышится голос Павлика.

— Я больше не буду, — шепотом подсказывает Сева.

— Ребята, я это... Я больше не буду... — с величайшим трудом выдавливает Панкратов.

В комнате малыши сидят на кушетке и прислушиваются к голосам за дверью.

— И не будь! — говорит Павлик. — Мы все равно не выйдем!

Сева отходит от двери.

— Ну и не выходите! Правда, Ваня? Пусть они там в комнате сидят, а мы здесь играть будем, всякие песни петь будем! — Все это он произносит веселым голосом и шепотом добавляет: — Давай пой!

— Чего «пой»?

— Ну, что-нибудь детское!

— А чего «детское»?

— Ну, хоть этот... «Каравай», — шепчет Сева и фальшиво запекает:

Как на Вани именины
Испекли мы каравай...

Пой, дурак, слышишь! Три-четыре! — Он берет Ваню за руку,

и оба притопывая, со злыми лицами начинают песенку снова:

Как на Вани именины
Испекли мы каравай
Вот такой вышины,
Вот такой ширины!

Душераздирающее пение доносится в комнату. Малыши слушают, лежа на кушетке, подперев голову руками.

— Большие, а какие глупые! — замечает Даша.

Молодой человек из радиокомитета идет по улице, поглядывая на фасады домов. Один дом выделяется среди других своей современной архитектурой. У подъезда стоит женщина-дворник. Из раскрытых окон второго этажа несутся два хриплых голоса:

Жил-был у бабушки серенький козлик.
Вот как! Вот как! Серенький козлик.

Молодой человек пересекает улицу, подходит к дворнику:

— Простите, вы не из этого дома?

— Из этого.

— А вы не скажете, тут такая учительница... Галина Васильевна не живет?

— Из седьмой школы? Живет. Только она в поход уехала.

Молодой человек быстро вынимает записную книжку:

— Вот-вот! Именно в поход! А как ее фамилия?

— Тарасова.

— Тарасова! — Молодой человек быстро записывает. — Все в порядке! Спасибо! — Он собирается уйти, но вдруг приостанавливается и спрашивает, глядя вверх: — А кто это там надывается?

— А это ученики Галины Васильевны. — отвечает дворник.

— Как — ученики? Они же в поход ушли!

— Все ушли, а эти остались. Над малышами шефствуют.

Молодой человек снова достает записную книжку:

— Над малышами? Ну-ка, ну-ка!.. Расскажите подробней!..

...Стоя в передней, безнадежно глядя на дверь, Козлов с Панкратовым поют из последних сил:

Остались от козлика рожки да ножки.
Вот как! Вот как! Рожки...

Раздается звонок. Приятели затихают с перепуганными лицами. Снова звенит звонок, но Сева с Ваней не двигаются.

— Ребятки! Откройте! Чего вы там? — слышится голос дворника.

Сева открывает. Входит женщина-дворник, а с ней молодой человек.

— Здравствуйте, товарищи! — весело говорит тот. — Это, значит, вы шефствуете над малышами?

— Мы, — растерянно отвечает Сева.

Молодой человек быстро записывает. Дверь из комнаты открывается, и в переднюю как ни в чем не бывало входят малыши. Они с любопытством разглядывают корреспондента.

— Шефствуете, чтобы поход не сорвать?

— Угу, — отвечает Иван.

— Ну, давайте быстрее ваши фамилии.

Ребята молчат.

— Давайте, давайте! Не скромничайте! — настаивает корреспондент.

— Его — Петров, — говорит Сева, кивая на Панкратова.

— Так! А имя?

— Это... Как его? Федя.

— А твоя фамилия?

— Сидоров, — хмуро отвечает Сева и добавляет: — Леонид.

Молодой человек прячет записную книжку в карман.

— Всего хорошего, ребята! Слушайте сегодня передачу в восемнадцать тридцать.

Корреспондент и дворник уходят, а приятели стоят в передней, ничего не понимая. Вдруг Сева распахивает дверь.

— Товарищ! Товарищ корреспондент! Не надо нас в передачу!.. Товарищ, мы очень вас просим!

— Ладно! Не скромничайте!

Удрученный, Сева возвращается в квартиру.

— Влипpli! — мрачно говорит он. — Наши ребята наверняка передачу будут слушать.

— И чего ты сказал: «Сидоров и Петров»! — сердится Вая. — Уж лучше бы сказал: «Козлов и Панкратов».

— Спасибо! Чтобы бабушки услышали и прибежали сюда? Пауза.

— Севк!.. Чего ж теперь получится?

Сева задумывается.

— Знаешь что? Если мы хорошо будем шефствовать — ничего плохого не получится. Победителей не судят.

— Мы есть хотим, — говорит Даша.

Сева быстро оглядывается на малышей:

— Вот это дело! Пошли!

Все четверо сидят на кухне за столом. Сева раскладывает по тарелкам большие куски наполовину сгоревшей яичницы. Даша нюхает свою порцию и отодвигает тарелку.

— Не хочу. Она плохо пахнет.

— И я тоже не хочу, — говорит Павлик.

«Воспитатели» с тоской переглядываются. Вдруг Сева набрасывается на яичницу и торопливо ест ее, ест давясь, с трудом скрывая отвращение.

— Ну и не ешьте! Мы сами яичницу съедим! Вот это яичница! Никогда такой вкусной не ел! — Он придвигается к Панкратову и шипит ему на ухо: — Чего сидишь? Я один должен мучиться? Да?

Часто помаргивая, Панкратов тоже давится яичницей.

— Пальчики оближешь! — говорит он и, проглотив последний кусок, обращается к малышам: — Ну, ешьте! Вкусно ведь!

— Не будем, — говорит Павлик.

— Значит, вы привыкли всякую гадость есть, вот вам и вкусно, — поясняет Даша.

Кажется, «воспитатели» сейчас убьют своих «воспитанников». Но вот Сева овладевает собой и наливает в стаканы молоко:

— Ладно. Берите хлеб и пейте.

Молоко ребята пьют с удовольствием.

— А после обеда мы гулять пойдем, — говорит Павлик.

— Дудки! — отвечает Панкратов и обращается к Севе: — Не хватает еще на бабушек нарваться!

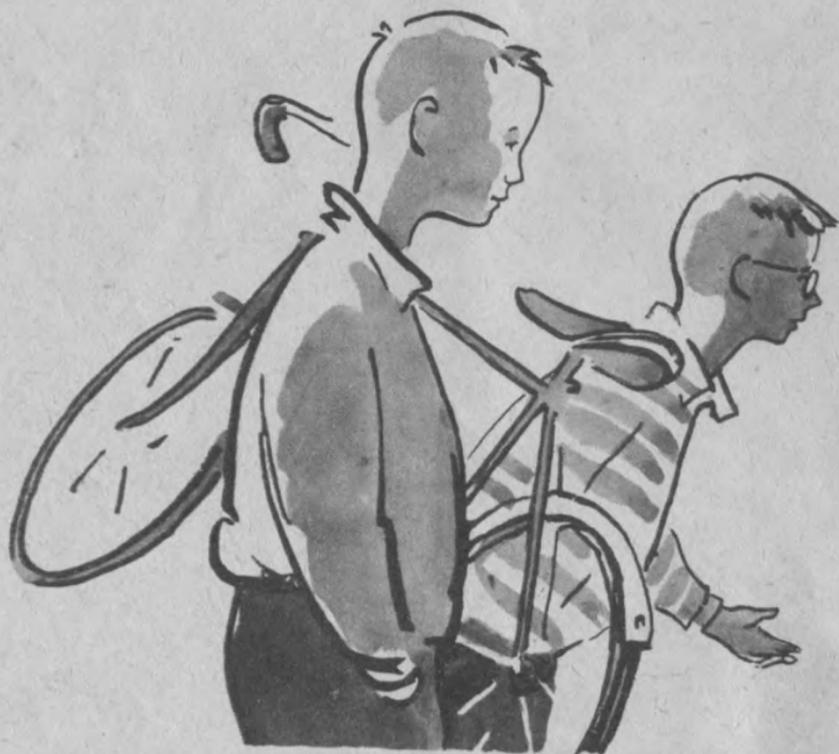
— Нет, пойдем! Нет, пойдем! — говорит Даша. — Без воздуха дети бледные становятся.

— Мы кричать будем, если не пойдем! — грозитя Павлик.

И вот Панкратов выносит из квартиры два велосипеда: двухколесный и трехколесный. Он спускается с ними по лестнице. Вслед за ним выходит Сева с малышами и захлопывает дверь. Павлик подходит к двери соседней квартиры, быстро нажимает кнопку звонка и удирает вместе с сестренкой вниз. Оторопевший Сева застывает на площадке. Дверь распахивается. Появляется немолодая, сердитого вида женщина.

— Тебе кого? — хмуро спрашивает она.

— Здравствуйте!.. — лепечет Сева. — У вас... у вас не найдется металлического лома?

Женщина исчезает, через секунду возвращается и протягивает Севе большое корыто со ржавым дном.

— Спасибо! — бормочет Сева, в то время как захлопывается дверь.

Стоящий у подъезда Ваня очень удивляется, когда его друг выходит с корытом в руках.

— Ты что? Откуда это?

— Потом объясню. Куда бы его деть? — бормочет Сева, озираясь по сторонам.

Малыши очень рады корыту:

— Сева, дай!

— Сева, мне!

Забрав у Севы корыто, брат и сестра волокут его по тротуару. Потом Павлик находит на мостовой какую-то железку и принимается барабанить ею по корыту.

— На, понеси! — мрачно говорит Ваня и, передав Севе один из велосипедов, двигается вслед за малышами.

Все четверо выходят на большую людную улицу. Впереди, мешая прохожим, грохоча по корыту, идут малыши. Сзади плетутся «воспитатели», таща велосипеды. Прохожие

недовольно оглядываются на эту процессию. Наконец к «воспитателям» подходит милиционер.

— Это ваши ребятишки? — спрашивает он.

— Наши, — отвечает Сева.

— Давайте наведите порядок. Вы не одни на улице находитесь!

Иван подходит к малышам и берется за корыто.

— А ну, хватит! Отдай!

Павлик с Дашей моментально садятся на тротуар.

— Ма-а-ма! Ма-а-ма! — басом кричит Павлик.

— Ой, больно, больно, больно! — пищит Даша.

Сева обалдело оглядывается. Вся эта сцена происходит возле витрины игрушечного магазина.

— Слушайте, вы! — говорит Козлов. — Ну зачем вам корыто? Ну... ну, давайте мы, что ли, игрушку вам купим!

Малыши сразу успокаиваются и встают.

— Водяной пистолет, — басит Павлик.

— А мне куклу, — говорит Даша.

«Воспитатели» колеблются.

— Купить, что ли? — спрашивает Козлов.

— Денег и так мало, — говорит Панкратов.

— Что деньги! Нервы дороже.

Вынув из кармана мелочь, Ваня пересчитывает ее и отправляется с малышами в магазин. Козлов тем временем оттаскивает корыто под ближайшую арку ворот и оставляет его там рядом с урнами для мусора.

Теперь Даша едет по тротуару на трехколесном велосипеде, прижимая к груди целлулоидного голыша, Павлик лихо катит на двухколесном. Иногда он прицеливается пластмассовым пистолетом то в урну, то в проходящую мимо автомашину и пускает из своего оружия тонкую струйку воды.

— В-во! — говорит он при этом.

«Воспитатели» с суровыми лицами шагают за малышами. На пути им попадает книжный киоск. Сева машинально взглядывает на витрину и вдруг останавливается.

— Смотри!

На витрине выставлена брошюра «Воспитание детей дошкольного возраста».

— Возьмем? — спрашивает Сева.

— Ага! Это штука нужная. — Ваня дает деньги продавцу, получает брошюру и... вдруг бросается в гущу уличного движения с искаженным от страха лицом.

По мостовой, среди машин, виляет на велосипеде Павлик. Виляет, виляет и шлепается. Скрежещут тормоза, звучат sireны, кричат прохожие...

Полумертвый от пережитого, держа одной рукой Павлика, а в другой неся велосипед, возвращается Ваня к Севе. Тот даже говорить не может, только пот со лба вытирает скотканым платком.

— Во! Видела! — хвастается Павлик. — Из-за меня все машины остановились!

— Тебя чуть не задавили, — спокойно отмечает его сестренка.

И вот все четверо в городском парке. Тут приятели чувствуют себя спокойней. В центре парка — пруд с белыми лебедями, возле пруда — большая площадка, где копаются в песочницах детвора, сидят на скамейках мамы и няни.

— Ну вот! — со вздохом облегчения говорит Сева. — Играйте здесь. Только не уходите далеко.

Друзья садятся на край скамейки рядом со старичком, читающим газету. Сева раскрывает брошюру, перелистывает ее.

— Вот видишь! — говорит он и водит пальцем по странице брошюры. — «Воспитатели должны стремиться к тому, чтобы досуг детей был всегда заполнен каким-нибудь интересным делом»...

Сева читает, Ваня слушает, и оба не замечают, что к их скамейке приближаются бабушки. Старушки идут неторопливо, с безмятежными лицами. У каждой из них в руке по бумажному стаканчику с мороженым.

— «Малышей надо приучать мастерить себе простенькие игрушки, — читает Сева. — Сначала они должны делать это под руководством старших, потом»...

Сева прерывает чтение и оглядывается, потому что кто-то сел на скамью по другую сторону от старичка. Это сели бабушки. Оглядывается и Ваня. Оба замирают, прижавшись друг к другу, закрыв лица брошюрой.

Бабушки не замечают своих внуков. Они крошечными порциями едят мороженое.

— Мальчишки-то наши небось не догадаются написать, — говорит Анфиса Петровна. — А не мешало бы узнать, как они да что?

— В школе справимся, — отвечает Надежда Леонидовна.

Затаив дыхание, чуть заметно ерзая по скамейке, ребята сползают с нее и мелкими, неслышными шажками уходят за ствол большого дерева.

— Фу! — отдувается Сева.

— Ну и ну! — вздыхает Иван.

Успокоившись немного, оба смотрят из-за дерева на старушек.

— Они вроде другие стали... Вроде как помолодели, — тихо говорит Ваня.

— Без нас помолодеешь, — замечает Сева.

— А мы небось постарели...

— Постареешь тут!.. — Сева бросает взгляд на площадку, и на лице его отражается тревога. — Э!.. А где наши? Наших нет!

«Воспитатели» долго вертят головой и наконец замечают своих подопечных. Те быстро удаляются на велосипедах по запущенной боковой аллее.

В этой аллее подтекает кран для поливки газонов, и от него разлилась большая грязная лужа. У Павлика хватает ума обогнуть ее, но Даша едет напрямик, и ее трехколесный велосипед увязает в грязи. Павлик останавливается, смотрит, как его сестренка тщетно пытается сдвинуться с места.

— Сильней жми! — говорит Павлик.

Даша кричит, но не двигается.

— Слезай, пешком иди! — говорит Павлик.

— Тут грязно, — хнычет Даша.

— Придумал! Я тебя подтолкну.

Павлик отбегает со своим велосипедом метров на двадцать, садится на него и едет к Даше. Дорога идет под уклон, и Павлик развивает большую скорость. С треском он врежется в Дашин велосипед, шлепается сам и сбивает в лужу сестренку.

Тут-то и подбегают «воспитатели». Промочив ноги, они вытаскивают из лужи велосипедистов и их машины.

— Мммучителы! — мычит готовый заплакать Иван.

Нарвав травы с газона, ребята пытаются хоть немного очистить от грязи одежду «мучителей». Они не подозревают, что им грозит новая беда.

По аллее прогуливается офицер. Он спустил со сворки молодого боксера, и тот носится по газону, радуясь свободе.

Павлик краешком глаза следит за ним.

Боксер подбегает к ребятам и с любопытством смотрит на них.

— В-во! — говорит Павлик и брызгает в боксера из своего пистолета.

Пес приседает, рычит. Он в наморднике, но клыки у него страшные.

— Пошел! — кричит Сева, замахиваясь на него.

Боксер прыгает, всей своей тяжестью ударяет Севу в грудь, и Козлов летит вверх тормашками в лужу.

— Тарзан, ко мне! Вы что, с ума сошли? Собаку дразнить!

Сева не обращает внимания на крик офицера. Он достает из лужи очки, долго ищет вылетевшее стекло.

— Всё! Прогулка окончена! — говорит он, вытирая стекло носовым платком.

Они возвращаются по той же людной улице. Тащит велосипед угрюмый Панкратов, тащит велосипед угрюмый Сева. Весь костюм его облеплен грязью так же, как и костюмы малышей.

— Сев!.. — говорит Павлик и что-то шепчет Козлову на ухо.

— Потерпи! — отвечает Сева.

Через несколько шагов Павлик что-то шепчет Севе.

— Ну ладно! Зайди сюда! — Козлов указывает на ближайшую арку ворот.

Павлик исчезает в ней, остальные молча ждут его. Вдруг из-под арки доносится грохот: это Павлик волочит за собой корыто.

— Во чего я нашел!

— Наше корыто! — радуется Даша и, подхватив драгоценную находку, несет ее вместе с братом.

Солнце уже низко опустилось над лесом, что растет на берегу водохранилища.

Возле узкой полоски пляжа стоят три большие лодки, наполовину вытасненные на песок. Неподалеку от них — байдарка. Дальше на зеленой поляне видны палатки, дымится костер и тут же плотной кучей сидят и лежат путешественники, окружив приемник толстого радиолюбителя.

«Ондатра — это водяная крыса. У нее очень ценный мех, слышится из приемника подрагивающий голос Лиды. — Если мы установим, что для нее достаточно корма, то ее в этих местах будут разводить».

— Ой, Лидка! — пищит взволнованно одна девочка.

Ребята ерзают по траве, потирают ладони; вожатый и учительница улыбаются, а сама Лида застыла, стоя на коленях, приоткрыв рот.

— Ничуть мой голос не похож!

— Нет, похож! Похож! — возражают ребята.

В кухне Галины Васильевны зажжены все газовые конфорки. На веревках, протянутых над плитой, сушатся платье Дашин, костюмы Севы и Павлика.

В комнате, где по всему полу разбросаны книги, висит на стене репродуктор. Перед ним стоят Сева с Ваней и их подопечные. Из всех четверых только Ваня одет как обычно, а на Севе, Даше и Павлике — одни лишь трусы да майки.

«Спасибо, Лида! — слышится из репродуктора голос молодого человека. — Позволь мне от имени радиослушателей пожелать тебе и твоим товарищам счастливого пути».

Мы снова в лагере на берегу.

— Всё! — говорит радиолюбитель. Он хочет выключить приемник, но вдруг отдергивает руку.

«А вот что мы узнали совершенно случайно, когда эта передача была уже готова, — говорит в приемнике женский голос. — Перед самым походом заболела родственница Галины Васильевны, и ее срочно увезли в больницу...»

Галина Васильевна настораживается, придвигается поближе к приемнику. Ребята оторопело поглядывают на нее.

«...На руках у руководительницы похода осталось двое племянников, двое пятилетних малышей...»

Учительница, вожатый, три десятка ребят словно окаменели. А женский голос бодро продолжает:

«Как быть? — стали думать ребята. — Взять с собой малышей учительница не решается, а без нее невозможен поход. И тут попросили слово пионеры Федя Сидоров и Леня Петров. «Путешествие не должно сорваться, — сказали они. — Мы останемся в городе, поселимся у Галины Васильевны и обеспечим малышам надежный уход».

Наш корреспондент повидал Федю и Леню и их маленьких подшефных. Он убедился, что пионеры с честью выполняют свое обязательство. Пожелаем успеха этим самоотверженным ребятам, благодаря которым их товарищи смогли отправиться в увлекательный поход!»

Голос диктора умолкает. У всех путешественников разинуты рты. Галина Васильевна сжимает виски ладонями.

— Сеня, что это за бред? — тихо говорит она. — Какой Сидоров? Какой Петров?..

Мрачнее тучи стоят перед репродуктором Козлов с Панкратовым.

«Мы передавали областные пионерские известия», — слышится голос диктора.

Иван выключает репродуктор.

— Галина Васильевна — это тетя Галя? — спрашивает Даша.

— Да, — отрывисто говорит Сева.

— А Петров и Сидоров — это вы?

— Мы.

— А почему вы Петя и Леня? — спрашивает Павлик. — Вы же Сева и Ваня!

— Потому! — сердито говорит Панкратов и обращается к Севе: — Иди с ними в ту комнату и заполняй им этот... как его? Досуг. А я тут уборкой займусь.

...Нарядный, погруженный в полумрак зал оперного театра. Среди зрителей — бабушки Сева и Вани.

— Я к вам пишу — чего же боле?

Что я могу еще сказать? —

поет на сцене Татьяна.

Надежда Леонидовна слушает, облокотившись о ручку кресла, прикрыв ладонью глаза. Анфиса Петровна сидит вытянувшись, смотрит на Татьяну в бинокль и умиленно улыбается.

А усталый Ваня поднимает с пола и запихивает в шкаф книги и журналы...

А усталый Сева, в другой комнате, занимает малышей.

Посреди комнаты стоит корыто. В нем с помощью веревочных растяжек установлена мачта, сделанная из палки от половой щетки. Сева привязывает к верхушке мачты красный лоскут.

— Вот тебе и флаг!.. Все! Корабль готов!

Малыши забираются в корыто.

— Мы завтра гулять пойдем и его возьмем, — говорит Даша.

— Ага! Мы в пруду будем плавать, — подхватывает Павлик.

— Что? Ну нет! Здесь будете плавать, — говорит Сева и выходит из комнаты.

— Позор, тоска — вот жалкий жребий мой! —

заканчивает арию Онегин и убегает со сцены.

Занавес закрывается и снова открывается. Зрители стоя аплодируют артистам.

Анфиса Петровна утирает слезу уголком платочка.

— Ленского! — кричит Надежда Леонидовна, колотя в ладоши. — Ленского!

А в кухне Галины Васильевны кипит работа. Измученный, похудевший Козлов надраивает щеткой свои брюки, Панкратов стирает в тазу платье Даши.

В комнате, где стоит корыто, на широкой тахте постлана постель. На ней спят малыши.

В лагере на берегу водохранилища застегнуты наглухо все палатки. Лагерь спит. Не спит только Галина Васильевна и вожатый. Учительница ходит в раздумье взад и вперед, вожатый шевелит палкой головешки потухающего костра.

— Галина Васильевна, езжайте! — говорит он тихо. — Ну что я, без вас не справлюсь? Туда вы к утру дойдете на веслах, а обратно — попутный ветер... Положение ведь серьезное! В крайнем случае возьмите сюда малышей.

В комнате, где стоит книжный шкаф, горит яркий свет, но Сева с Ваней крепко спят. Спят на узкой кушетке, головами в разные стороны, спят, не раздеваясь, без подушек, без одеял... Севины ноги лежат на груди у Вани. Сразу видно: как свалились мальчишки на кушетку, так и заснули мертвым сном.

Поблескивают при луне волны на водохранилище. Узкой черной стрелкой движется им навстречу байдарка.

Галина Васильевна гребет размеренно и четко. Вода рокошет под лопастями весел да изредка чавкает у форштевня, когда байдарка падает с волны.

Утро. Проснувшиеся малыши сидят в постели, трут кулаками глаза, смотрят на корыто с мачтой. Откуда-то чуть слышно доносятся позывные московской радиостанции: «Широка страна моя родная...»

Павлик о чем-то задумывается и вдруг начинает шептаться с сестренкой, показывая ей глазами на корыто.

Даша утвердительно кивает. Павлик вскакивает с постели, выбегает в переднюю и заглядывает в другую комнату.

Там по-прежнему горит свет и всё в тех же позах лежат на кушетке Козлов с Панкратовым.

— Спят! — шепчет Павлик, вернувшись к сестре, и тут же снова убегает, на этот раз в кухню. Став на табуретку, он

снимает с веревки Дашино платье, свои штанишки и курточку и опять на цыпочках бежит в комнату.

Малыши торопливо одеваются. Они все время шепчутся и поглядывают на корыто. Даша натяливает платье задом наперед. Платье это неглажено, мягое, так же как штаны и рубашка Павлика, но это ребят мало беспокоит.

— Взяли! — шепотом говорит Павлик.

Оба поднимают корыто, выносят его в переднюю и ставят на пол.

Корыто брякает, но Сева с Ваней не просыпаются.

Прикусив язык, Павлик бесшумно отпирает дверь и распахивает ее. Малыши снова поднимают корыто. Оно еле пролезает в дверь и при этом гремит довольно сильно, но Сева с Ваней лежат все в тех же позах.

Выбравшись с корытом на площадку, брат и сестра спускаются по лестнице. Дверь остается распахнутой настежь.

В это время байдарка с Галиной Васильевной приближается к лодочной станции.

Малыши вытаскивают корыто с мачтой на улицу и направляются с ним к городскому парку.

Залитая утренним солнцем улица чиста и пустынна. Павлик с Дашей беспрепятственно проходят добрую сотню метров, но вот их замечает стоящий на противоположном тротуаре милиционер. Некоторое время он смотрит на ребят, несущих странное сооружение, потом пересекает мостовую и подходит к беглецам:

— Ребятки!.. Куда путь держите?

— Туда! — Руки у Павлика заняты, но он глазами указывает вперед.

— А вы где живете? — не отстает милиционер.

— Дома, — хмуро отвечает Павлик.

— А где ваш дом?

— Там! — Павлик снова указывает глазами вперед.

Малыши продолжают свой путь, а милиционер, постояв немного, двигается за ними.

Навстречу идет девушка в рабочем комбинезоне. Она приостанавливается, подозрительно смотрит на малышей, потом

что-то говорит милиционеру. Тот приподнимает ладонь: «Все мол, будет в порядке». Девушка идет дальше, а милиционер продолжает следовать за ребятами.

Вот они у входа в парк. Где-то раздается свисток. Милиционер оглядывается: недалеко стоит такси, возле него размахивают руками и гомонят несколько человек.

Некоторое время милиционер стоит на месте, поглядывая то на людей, скандалящих возле машины, то на ребят, идущих по аллее. Но вот он видит, что к такси подходит другой постовой, и снова двигается за малышами.

А те неожиданно перелезают через низкую загородку, отделяющую аллею от берега пруда, и тащат свое корыто вниз по зеленому откосу. Милиционер бросается бежать. Он хватается малышей за руки как раз в тот момент, когда те спускают корыто на воду.

— Ребятки! Ребятки! А ну давайте отсюда! — говорит он, вытаскивая брата с сестрой на аллею. — Вы где живете?

Даша и Павлик молчат. Они смотрят на свой корабль. Корыто отошло от берега метра на три и постепенно погружается в воду: дно у него дырявое.

Спящий Козлов взбрыкивает ногой и попадает каблуком в лицо Ивану. Тот просыпается, дико озираясь, потом успокаивается и убирает Севину ногу со своей груди.

— Севк!.. Который час?

— Мммм! — Сева тоже просыпается и тоже не сразу сообщает, где он.

— Который час, говорю? — повторяет Ваня.

— Часы в той комнате. — Сева встает зевая, выходит в переднюю и видит распахнутую дверь. — Эй! Иван!

Панкратов вбегает, тоже смотрит на дверь, потом оба бросаются в комнату малышей и видят пустую постель.

— Корыта нет! — вскрикивает Ваня.

— Все ясно: на пруд пошли!

«Воспитатели» кидаются в свою комнату, хватают брюки, но от волнения и спешки долго не могут попасть ногами в штанины.

...Милиционер сидит с малышами на скамейке метрах в пятидесяти от того места, где утонуло корыто.

— Ну давайте говорите: где живете?

— Не скажем. Мы гулять хотим, — болтая ногами, отвечает Павлик.

— Тогда в милицию отведу.

— А мы милиции не боимся, — говорит Павлик.

— Папа говорит, милиционеров бояться — это все глупости, — поясняет Даша.

Галина Васильевна подъезжает на трамвае к остановке у входа в парк. Трамвай еще не остановился, но учительница видит: в ворота парка стремглав влетают Козлов и Панкратов. Выйдя из вагона, встревоженная учительница идет за ними.

С белыми от ужаса глазами мчатся мальчишки по аллее. Они ничего не видят, они смотрят только на пруд. Они видят лишь кончик палки с красной тряпочкой, торчащий над водой.

— Козлов! Панкратов! — зовет идущая сзади Галина Васильевна.

Мальчишки не слышат ее. Добежав до того места, где торчит палка, они перепрыгивают через загородку, сбрасывают брюки и в трусах и майках кидаются в воду.

Через несколько секунд головы их появляются на поверхности. Мальчишки не замечают, что над ними стоит учительница. Они дико смотрят друг на друга.

— Не видать! — хрипит Иван.

Оба снова исчезают под водой и снова выныривают.

— Нету! — говорит Сева.

— Козлов! Панкратов! — зовет Галина Васильевна.

Мальчишки оглядываются на нее, и лица их совсем мертвеют. Не говоря ни слова, выбирают они на аллею и стоят мокрые, посиневшие, глядя куда-то мимо Галины Васильевны.

— Что вы тут делаете?

«Воспитатели» молчат.

— Случайно не вы Петров и Сидоров?

Сева с Ваней не издают ни звука.

— Где ребята? Где Павлик и Даша? — с нарастающей тревогой спрашивает Галина Васильевна.

Мальчишки все тем же мертвым взглядом смотрят куда-то мимо нее.

— Тетя Галя! — слышится вдруг тоненький голосок.

Учительница оглядывается. К ней бегут Павлик и Даша, а за ними идет милиционер.

— Они-и-и! — истошно кричит Сева и со всех ног бросается к малышам.

— Они-и-и! — кричит Иван и плачет во весь голос, летя за Козловым.

Теперь все пятеро — в комнате у Галины Васильевны. Малыши лежат на тахте, разглядывая альбом с фотографиями. Учительница, Ваня и Сева сидят за накрытым для чая столом.

— Мы всё вам рассказали, Галина Васильевна. По-честному, — говорит Сева.

— Что же вы думаете делать? — спрашивает учительница.

Сева тихонько вздыхает:

— Домой пойдем.

— И больше не убежите?

Сева молча качает головой.

— Неохота бабушкам нервы портить, — поясняет Ваня.

Раздается звонок. Все выходят в переднюю. Галина Васильевна отпирает дверь. На пороге — улыбающаяся Анна Николаевна.

— Мама пришла! Мама пришла! — радуются малыши.

— Ты знаешь, Галочка, это, оказывается, не аппендицит. — говорит Анна Николаевна. — Павлик, не тяни меня за пояс, порвешь... Это желчный пузырь. У меня выкачали почти пол-литра желчи, и я совершенно здорова. Павлик, не тяни меня за пояс: порвешь.

...Козлов с Панкратовым и Галина Васильевна выходят из подъезда. У мальчишек за плечами рюкзаки.

— До свидания, Галина Васильевна, — с грустинкой в голосе говорит Сева.

Учительница задумчиво смотрит на ребят:

— Вы очень на меня обижены, что я вас не взяла в поход?

— Ну что вы, Галина Васильевна! — пожимает плечами Козлов.

— Мы тут с двумя чуть не спятили, а у вас их целых тридцать... Думаете, мы не понимаем... — Ваня вдруг застывает с открытым ртом.

Перед ним, учительницей и Севой стоят Надежда Леонидовна и Анфиса Петровна. На старушках сегодня скромные, домашние платья, в руках у них сумки для продуктов.

Долго длится молчание. Внуки смотрят на бабушек, бабушки смотрят на внуков, смотрят на учительницу...

-- Здравствуйте! — произносит наконец Сева.

Полное лицо Анфисы Петровны дрожит.

— Господи, ты господи! — бормочет она, готовая заплакать.

Лицо Надежды Леонидовны каменеет. Она смотрит сквозь пенсне на учительницу.

— Простите, Галина Васильевна... Можно узнать, что произошло?

— Ничего не произошло... Просто мы с Севой и Ваней приехали из лагеря забрать кое-какие приборы.

Галина Васильевна смотрит на бабушек и видит, как ошеломленно-радостным становится лицо Анфисы Петровны, как удивленно помаргивают за стеклами пенсне глаза Надежды Леонидовны.

— Простите!.. А можно узнать, как наши мальчишки себя ведут?

— Пока я не могу на них пожаловаться, — сдержанно говорит учительница.

Лодочная станция. Старик в тельняшке смотрит, как учительница, Сева и Ваня спускают на воду байдарку, усаживаются в ней, отталкиваются веслами от мостков.

— Попутного ветра! — кричит старик.

— Спасибо!

— До свидания!

Сидящий впереди Сева поднимает парус. Сидящая за ним Галина Васильевна берет в руки шкот.

Парус надувается, и лодка уходит все дальше, покачиваясь на невысоких волнах.

К ЧИТАТЕЛЯМ

Отзывы об этой книге просим присылать по адресу: Москва, А-47, ул. Горького, 43. Дом детской книги.

Рисунки
А. ДАВЫДОВА

ДЛЯ СРЕДНЕГО ВОЗРАСТА

Сотник Юрий Вячеславович

ОДИН СТРАШНЫЙ ДЕНЬ

Киноповесть

Ответственный редактор *С. Н. Боярская*
Художественный редактор *Н. Э. Левинская*
Технический редактор *И. П. Данилова*
Корректора
В. В. Самороднова и Т. Ф. Юдичева

Сдано в набор 16/1 1962 г. Подписано к печати 7/V 1962 г. Формат $60 \times 84^{1/16}$ — 4 печ. л. = 3,72 усл. печ. л. (3,04 уч.-изд. л.). Тираж 115 000 экз.
ТП 1962 № 416. А06010. Цена 9 коп.
Детгиз. Москва, М. Черкасский пер., 1.

Фабрика детской книги Детгиза.
Москва, Сушевский вал. 49. Заказ № 2140.

**ГОСУДАРСТВЕННОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО
ДЕТСКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ
МИНИСТЕРСТВА ПРОСВЕЩЕНИЯ РСФСР**

В 1962 году для детей среднего возраста выходят в свет следующие книги:

Петров В. ДЕТСТВО РОМАШКИ.

Повесть в трех книгах о ребятах из небольшого волжского села, о том, как они начинали свой нелегкий трудовой путь и совершали первые героические поступки во имя революции.

Пермяк Е. ЗАМОК БЕЗ КЛЮЧА.

Уральские поэтические сказы о рабочих-умельцах, о красоте человеческого труда, о сильных характерах и радости творческих поисков и открытий.

Коршунов М. КОГДА ЗАМЕРЗЛИ ДОЖДИ.

Рассказы о большой и хорошей дружбе между ребятами и взрослыми, о бережном и внимательном отношении к людям.

Коростелев П. КОМПАС.

Рассказы о советских ребятах, их увлекательных делах, заботливом, хозяйском отношении к богатствам родной природы.

Аронов А. ЦИРК ПРИЕХАЛ!

Повесть о жизни и приключениях Бори Ваткина, о том, как он стал артистом цирка.

Усов М. ЛИСТЬЯ НА СНЕГУ.

Рассказы писателя-натуралиста о самых разнообразных и удивительных явлениях живой природы, о том, как интересно наблюдать жизнь растительного и животного мира и делать новые открытия.

Малыревский П. ТРИНАДЦАТОЕ ЛЕТО.

Повесть о мальчишке, о его встречах с людьми разных профессий, о первом знакомстве с жизнью.

Иванов В. В ТАЕЖНЫХ ДЕБРЯХ.

Рассказы бывалого охотника о бескрайней сибирской тайге, о животных и их повадках.

Бейлина Н. КАЛИТКА, ОТВОРИСЫ

Повесть о двух девочках, об их мечтах и о том, как эти мечты сбываются.

Третьяков Ю. НАЧАЛО РЫБАЧЬЕГО ПАТРУЛЯ.

Юмористические рассказы о ребятах, о дружбе, об играх и увлечениях, о летних походах

Шмушкевич М. ДВА ГАВРОША.

Повесть о дружбе между украинским мальчиком и французской девочкой. о том, как они помогали французским партизанам в их борьбе с фашизмом.

Эти книги по мере выхода их в свет можно приобрести в магазинах Книготорга и потребительской кооперации.

Книги высылаются также по почте наложенным платежом отделом «Книга — почтой» областных, краевых и республиканских книготоргов. Можно заказать книги и через отдел «Книга — почтой» по адресу: Москва, Б-120, ул. Чкалова, 48-б, магазин Москниготорга № 94.

$$\begin{array}{r} 120 \\ 13 \\ \hline 139 \end{array}$$

Mil. 20-00
 Kyles. 18-00
 Tails 7-50
 Sewt 11-00
 Treats 1-80
 Race 1-30
 Mouth 0-90
 Popcorn 4-25

 65-55
 70-00

$$\begin{array}{r} 139 \\ - 70 \\ \hline 69 \\ - 13 \\ \hline 56 \end{array}$$

Цена 9 коп.